

міра, Господь и возвѣль къ Себѣ Тайнозрителя для принятія откровенія о будущихъ судьбахъ міра. Духомъ этого челоувѣколюбія Христова и былъ объятъ и восхищенъ Іоаннь.

Се престолъ стоящій на небеси. Такъ какъ въ видѣніи представляется благодатное устройство Церкви, хотя относящееся къ земному ея странствованію, но само по себѣ или въ своемъ существѣ принадлежащее къ горней, небесной области: то престолъ стоящій на небеси есть тотъ престолъ *Благодати*, къ которому съ дерзновеніемъ приступить—внушаетъ Ап. Павелъ всѣмъ чадамъ Церкви, да примемъ милость, и благодать обрячемъ во благовременную помощь (Евр. IV, 16).—Сказать то же другими словами: это есть сама,—открытая вѣрѣ съ своими неистощимыми сокровищами и дѣйствующая въ вѣрующихъ и ради нихъ въ мірѣ съ державною крѣпостію (Еф. I, 19),—спасающая насъ любовь Божія.—„Она высока, какъ небо высоко отъ земли“ по словамъ псалмопѣвца (псал. 102, 11) и потому представляетъ собою истинно *высокій и превознесенный престолъ* Божій (Исаи VI, 1).—Но въ то же время она во Христѣ уже открыта вѣрѣ и усвоена Церкви, и, слѣдовательно, при всей высотѣ своей, она составляетъ всегда открытый странствующей Церкви и доступный для вѣры престолъ Божій,—какой и созерцалъ Тайнозритель. „Увидѣлъ престолъ, говоритъ Андрей Кесарійскій.—черезъ это знаменуетъ успокоеніе Божіе во святыхъ; ибо въ нихъ, какъ на престолѣ Богъ почиваетъ“.—Само собою разумѣется, что престолъ Божества собственно и существенно есть единъ,—пренебесный Престолъ Славы. Выше доказано только то, что престолъ Вседержителя явленъ Тайнозрителю въ томъ отношеніи, сколько онъ доступенъ и открытъ вѣрѣ, какъ престолъ Благодати, спасающей вѣрующихъ и отвергающей противниковъ.—

И на престолѣ Сѣдящъ: т. е. Господь Богъ Вседержитель, какъ Онъ именуется въ возносимомъ Ему словословіи (IV, 8). Возсѣданіе на престолѣ *Благодати* Самого Бога Вседержителя показываетъ, что во-первыхъ—Божественная любовь спасаетъ насъ не чрезъ кого-либо сотвореннаго, ходатая или Ангела, но Вседержавнымъ *дѣланіемъ* (Іоан. V, 17) и распоряженіемъ Самого Господа Бога; и что, во вторыхъ, когда на престолѣ, къ которому съ дерзновеніемъ должно намъ приступить, явленъ вѣрѣ нашей непосредственно. Самъ

Господь Вседержитель,—спасающая Божія любовь собственно не мірскія сокровища предлагаетъ намъ, но раскрываетъ для созерцанія и общенія вѣры—самую полноту Божества (Колос. II, 9).—Обстоятельства этого великаго видѣнія не только позволяють, но и требуютъ для своего изъясненія—болѣе глубокаго изслѣдованія тайны Сѣдящаго на престолѣ Бога Вседержителя.—Такъ изъ того, что Сѣдящій на престолѣ, по свидѣтельству Тайнозрителя, непрестанно бываетъ славословимъ какъ Трисвятый (8 с.) очевидно, что это есть вообще Трїединный Богъ, т. е. Богъ Отецъ, являющійся въ Единородномъ Сынѣ и носящій Духа жизни. Такое разумѣніе настоящаго Божественнаго явленія подтверждается еще и тѣмъ, что Бога Отца, никтоже видѣтъ, нигдѣже, и только Единородный Сынъ, Сынъ въ лоно Отца, являетъ Его (Іоан. I, 18). Равнымъ образомъ о подобномъ видѣніи Исаіею Господа, Сѣдящаго на престолѣ высокоу и превознесеннѣ и славословимаго трисвятою пѣснью, Евангелистъ Іоаннъ прямо засвидѣтельствовалъ, что пророкъ, видѣлъ славу Іисуса Христа Сына Божія и глаголае о Немъ (Іоан. XII, 41).—Созерцаніе Бога Отца, Являющагося въ Единородномъ, какъ сіяніи Его славы и выраженіи Его существа, есть дѣйствительно видѣніе и славы Самого Единороднаго. Черезъ явленіе же именно Трїединого Бога на престолѣ Благодати, — открываются вѣрѣ самыя внутреннія пренебесныя тайны спасающей насъ любви Божіей. Въ Единородномъ Сынѣ Божіемъ отъ вѣчности и существенно почиваетъ и проявлена всеобъемлющая любовь Бога Отца со всѣми Божественными сокровищами Духа той же Отчей любви, т. е. Духа Утѣшителя. (Это—тайна Божества Самого въ Себѣ,—тайна трїичности лицъ Божества; она есть первоначальное основаніе тайны нашего спасенія во Христѣ). Эта-же Отчая любовь съ Животворящимъ Своимъ Духомъ, возсіяла и всегда сіяетъ въ Единородномъ всему міру, воззвавъ его къ бытію и держа Своею промыслительною десницею (Тайна общихъ отношеній Божества къ міру, съ которыми неразрывно связано дѣло нашего спасенія). Она же, наконецъ, съ сокровищами и силами Своего Упостаснаго Духа, открылась и дѣйствуетъ и во спасеніи грѣшнаго и погибающаго человѣчества,—и открылась и дѣйствуетъ также въ Единородномъ, но уже не только возсѣдающемъ на престолѣ Трїипостаснаго Божества, но вмѣстѣ

и воспріявшемъ человѣческое естество и принесшемъ Себя въ Своемъ человѣчествѣ въ умиловительную жертву Божеству за человѣковъ (Тайна самаго дѣла спасенія нашего).— Эти-то тайны любви Божіей, простертой къ нашему спасенію,—и открыты въ видѣніи Сѣдящаго на престолѣ Трїеди-наго Бога, какъ это до очевидности доказываютъ и сами изъ того же изъясняются славословія, къ Нему возносимыя. Ибо, во первыхъ, Онъ славословится, какъ Трисвятый и Вѣчный Господь Богъ Вседержитель: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Вседержитель, Иже бѣ, и Сый и Градый*. Вотъ торжественное выраженіе первой и основной тайны изъ указанныхъ выше! Во вторыхъ, Онъ славословимъ, какъ давшій и поддерживающій бытіе всяческихъ: *Ты еси создалъ всяческая и волю Твою суть*. (ст. 11). Это есть явное выраженіе второй тайны. И наконецъ, Сѣдящій на престолѣ воспринимаетъ славословіе вмѣстѣ уже съ появившимся на престолѣ же *Агнцемъ, яко заколеннымъ*,—т. е. какъ понятно и безъ дальнѣйшаго изслѣдованія,—съ принесеннымъ въ искупительную за насъ жертву Богочеловѣчествомъ Христовымъ (сл. V, 9—12): *Сѣдѣщему на престолѣ и Агнцу благословеніе, честь и слава и держава во вѣки вѣковъ*. Вотъ явленіе въ самомъ дѣйствиі послѣдней тайны, которая собственно и есть тайна нашего спасенія,—впрочемъ внутренно и нераздѣльно соединенная съ тайнами Самаго Существа Божія и общихъ отношеній Божества къ міру, и именно раскрывающая въ себѣ глубины этихъ тайнъ. Такая то неизслѣдимая глубина любви Божіей, содѣвающей спасеніе и благо Церкви, раскрыта въ видѣніи Сѣдящаго на престолѣ, какъ показываютъ означенныя обстоятельства и черты видѣнія.—Съ такихъ сторонъ изображается тайна спасенія и въ другихъ мѣстахъ Новаго Завѣта, по значенію и величественности подобныхъ разсматриваемому видѣнію. Таково у самого Іоанна начало Евангелія (I, 1—16 сл. 29—30 ст.). Таковы же особенно высокія мысли у Ап. Павла (Кол. I, 13—29. Евр. I, 2 и др.).

И сѣдѣи бѣ подобенъ видѣніемъ камени іапису и сардинови. Пророкъ Іезекиль, описывая въ существѣ одно и то же видѣніе, какое открыто было и новозавѣтному Тайнозрителю,—говоритъ: *на подобіи престола подобіе, якоже видѣ челоуѣкъ есть* (I, 26). Что и созерцаемый Іоанномъ Сѣдящій на престолѣ

явился въ человѣческомъ видѣ, а драгоценнымъ камнямъ былъ подобенъ по виду и цвѣту, напр. рукъ Своихъ, лица и проч. это видно изъ того, что Сѣдящій на престолѣ имѣлъ въ десницу книгу—какъ далѣе говорить Тайнозритель (V, 1).—Когда Божество нисходитъ до открытаго и благоволительнаго явленія человѣчеству въ сей жизни, то человѣкообразное явленіе вполне благоприлично, какъ потому, что оно есть самое близкое и сродное человѣку,—такъ въ особенности потому, что Самъ Отецъ Небесный благоволилъ содѣлаться видимымъ для людей въ Своемъ Сынѣ, ставшемъ человѣкомъ: *видѣвый Мя*, говоритъ Господь Иисусъ, *видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9): равно Духъ Святой открыто почилъ на Немъ, какъ видѣлъ Іоаннъ Креститель во время Его крещенія (Лук. III, 22). А что явившееся так. обр. Божество блистало не свѣтомъ солнца, сіяющаго во всей силѣ своей, чего не сносили и Апостолы на Фаворѣ и при началѣ таинственныхъ видѣній не вытерпѣлъ Тайнозритель, а сколько прекраснымъ, столько-же и удобоприступнымъ и привлекающимъ блескомъ драгоценныхъ камней,—это есть самъ по себѣ понятный знакъ того, какъ и дивно-богогѣльна и удобоприступна для насъ Божественная Благодать, хотя открываетъ для насъ самую *полноту* Трїедиаго Божества. Истинно намъ остается только то, къ чему убѣждаетъ Ап. Павель:—*съ благоговѣйшїимъ дерзновенїемъ приступать къ престолу Благодати*, которая сама простираетъ къ намъ руки свои, готовая объять насъ,—вести во внутреннія тайны Божества, Его отношеній къ міру и въ особенности спасенія грѣшныхъ людей,—*исполнить насъ и всею полнотою Божїею*, сколько кто вмѣститъ можетъ (Еф. III, 19).

Ласписъ (яшма), драгоценный камень отчасти зеленый, отчасти пурпуровый и розовый (Plin. 37. 37), есть удобопонятный символъ никогда неветшающей, но всегда цвѣтущей и животворной Благодати Божества: „*Ласписъ*, какъ зеленый, —говоритъ Андрей Кесарійскій,—значитъ присноцвѣтущее и животворное и пищеподательное свойство Божественнаго естества“. *Сардисъ*—камень подобнаго же цвѣта, но отличающійся цѣлительнымъ вліяніемъ, по свидѣтельству Василія Великаго (см. у Андр. Кесар.), и у древнихъ принадлежавшій къ способамъ, отражающимъ лютыхъ звѣрей (Plin. 37. IX. См. у Кесар. толкователя). *Врачевать немощное* и отражать отъ

спасаемыхъ все враждебное есть существенное свойство явившейся намъ во Христѣ Благодати Божіей.

И отъ дуга (радуга) окрестъ престола подобна виднѣемъ смарагдови.—Радуга, послѣ всемірнаго потопа, поставлена отъ Бога въ завѣтное знаменіе того умилоствленія Божія къ міру, что уже не будетъ подобнаго истребленія рода человѣческаго и міра. Чрезъ пр. Исаію Господь подтвердилъ, что въ Царствѣ Грядущаго Мессіи завѣтъ примиренія и милости столько же непреложень, какъ завѣтъ съ Ноемъ (Ис. LIV, 9—10). Посему *радуга* окружающая престолъ Благодати, провидѣнная уже и пр. Іезекилемъ (I, 28),—есть символъ именно Благодатнаго примиренія Бога съ человѣками. *Миръ* съ Богомъ и неразлучный съ тѣмъ миръ и внутренній съ самимъ собою, и со всѣмъ міромъ, есть точно, какъ прекрасный радужный свѣтъ,—успокоивающій и улаждающій. И притомъ такой радужный свѣтъ истинно окружаетъ престолъ Благодати: ибо первое слово Благодати, прежде нежели открывается самое Божественное ея лице—или ея тайны, есть именно слово мира: *входяще въ домъ, цѣлуйте его глаголюще: миръ дому' сему* (Матѣ. X, 12),—и по открытіи блестящаго драгоцѣнными камнями лица ея, осѣненіе миромъ не только остается, но и внутренне усваивается вѣрующимъ душамъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ*, глаголетъ Господь ученикамъ предъ Своими страданіями,—*миръ вамъ*, такъ Онъ привѣтствуетъ ихъ, являсь по воскресеніи,—*Благодать вамъ и миръ*, такъ и Апостолы обыкновенно благословляютъ христіанъ, и иногда прямо отъ имени Трїединнаго Бога, (напр. самъ Іоаннъ въ началѣ Апокалипсиса (I, 4—5).—*Смарагдъ* или изумрудъ (прекрасный и особенно твердый камень) которому уподоблена радуга, показываетъ не только особенную красоту, но и незыблемость этого духовнаго радужнаго свѣта—мира.—Отъ кроткаго и успокоительнаго явленія радужнаго свѣта и перейдемъ къ явленію величественному и грозному!...

И отъ престола исхождаху молнія и грамы и гласы. Молніями, громами и гласами сопровождалось нѣкогда законодательство Ветхозавѣтное; какое мѣсто этимъ грознымъ явленіямъ при престолѣ Благодати? Спасаящая любовь Божія, милуя и ущедряя благопокорныхъ и вѣрныхъ, въ то же время, для торжества же спасаемыхъ,—вооружается грозой

противъ нераскаянныхъ, непокорныхъ и упорныхъ, и особенно озлобляющихъ Церковь. *Низложеніе враговъ подъ ноги*: принадлежитъ такъ сказать, къ внѣшнему домостроительству Христова Царства (1 Кор. XV, 25). И так. обр. отъ престола самой Благодати исходятъ *молніи, громы и гласы*. Дальнѣйшее разсмотрѣніе Апокалипсиса показываетъ, что всякія потрясающія судьбы міра суть ни что иное, какъ эти молніи, громы и гласы, исходящія отъ спасающей насъ державы Божественной.

И семь свѣтильниковъ огненныхъ горящихъ предъ престоломъ, иже суть семь духовъ Божіихъ.—При изъясненіи 4-го стиха 1-ой главы мы видѣли, что *семь духовъ Божіихъ, иже суть предъ престоломъ Его*, суть семь главныхъ даровъ Св. Духа, какіе преподаются вѣрующимъ и въ нихъ дѣйствуютъ. Благодать Св. Духа, если она созерцается не въ своемъ первоисточникѣ, который открытъ въ Самомъ Сѣдящемъ на престолѣ, но въ раздѣленіи Своемъ на частные дары, раздаваемые вѣрующимъ и проявляющіеся въ нихъ—то *испытаніемъ глубинъ Божіихъ, то неизглаголаннми воздыханіи* молитвенными и проч.;—въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, представляетъ горящіе предъ престоломъ свѣтильники. Ибо, напр. свѣтъ премудрости и разума, возжигаемый въ вѣрующихъ Благодатию, относится къ престолу той же Благодати, безъ сомнѣнія, не какъ находящійся на самомъ престолѣ, а какъ только обращенный къ этому престолу и предъ нимъ горящій.

И предъ престоломъ море сткляное, подобно кристаллу. Эта принадлежность небеснаго святилища Благодати соотвѣтствуетъ,—какъ это и показано уже въ общемъ обзорѣніи видѣнія,—находившемуся въ Ветхозавѣтномъ святилищѣ морю или водоему, въ которомъ священники производили омовенія самихъ себя предъ служеніемъ. Значеніе такого же, только уже духовноблагодатнаго, водовмѣстилища въ Новомъ Завѣтѣ видно изъ слѣдующихъ словъ Ап. Павла: *да приступаемъ* (изъ связи рѣчи видно, что здѣсь говорится о *приступаніи* къ небесному святилищу, или, что то же къ престолу Благодати) *со истиннымъ сердцемъ во извѣщеніи вѣры, окроплени сердца отъ совѣсти лукавыя: и изомени тѣлеса водою чистою* (Евр. X, 22). Такое внутреннее очищеніе самыхъ сердець отъ совѣсти лукавой, соединенное съ измо-

веніемъ и тѣла водою, производится именно въ святомъ крещеніи.—Итакъ море, предпочищающее Царственное духовное Священство,—каковы всѣ христіане—*во еже служити Богу живу и истинну или возносити жертвы духовны благоприятны Богови Исусъ Христомъ* (Евр. IX, 14. 1 Петр. II, 5).—есть именно благодать крещенія. Это море есть *сткляное и кристалловидное*: симъ выражается, что благодатныя воды крещенія такъ же духовно чисты, не допуская и самой возможности смѣшенія съ какою либо скверною, какъ физически чисто и не смѣσιμο съ нечистотою кристалльное стекло.

Болѣе трудны къ разумѣнію слѣдующіе предметы видѣнія: *и посредь престола и окрестъ престола четыре животна исполнена очесъ спереди и созади. И животное первое подобно льву, и второе животное подобно телцу, и третіе животное и мущее лице яко чловѣка, и четвертое животное подобно орлу летящу. И животна четыре, едино коеждо изъ имѣяшу по шесть крылъ окрестъ и внутрѣду исполнена очесъ* (IV, 6) и еще выше: *окрестъ престола престола двадесять и четыре; и на престолахъ видѣхъ двадесять и четыре старцы свдѣція, облечены въ бѣлыя ризы: и имѣяшу вѣнцы златы на главахъ своихъ* (IV, 4). Явленіе этихъ старцевъ мы намѣренно соединили вмѣстѣ съ явленіемъ таинственныхъ животныхъ, приступая къ изясненію значенія того и другого явленія. Причина, побуждающая разсматривать то и другое явленіе вмѣстѣ,—во первыхъ та, что и въ настоящемъ видѣніи четыре животныя и двадцать четыре старца совокупно преклоняются предъ Агнцемъ и славятъ Его всѣ вмѣстѣ одною и тою же пѣснью (V, 8—10); а во вторыхъ, и въ раскрывающихся далѣе зрѣлищахъ судебъ Церкви, тѣ же таинственныя животныя и старцы обыкновенно являются вмѣстѣ (VII, 11. XIV, 3. XIX, 4).—Очевидно, что есть что то существенно общее тѣмъ и другимъ, соединяющее ихъ въ одинъ общій хоръ славославящихъ Агнца, и поставляющее ихъ неразлучными небесными назирателями и свидѣтелями судебъ и подвиговъ странствующей Церкви. Кто же они, тѣ и другіе? И въ чемъ состоитъ взаимная между тѣми и другими связь? Сначала сдѣлаемъ изслѣдованіе о таинственныхъ животныхъ!

Пророкъ Іезекиль, видѣвшій такихъ же или тѣхъ-же самыхъ таинственныхъ животныхъ, называетъ ихъ *херувимами* (10 г.). Пророкъ Исаія, слышавшій славославящихъ Бога

трисвятымъ пѣніемъ, которое слышалъ и Тайнозритель Іоаннъ, и видѣвшій у нихъ также шесть крыль у каждаго, какъ и въ Апокалипсисѣ означено, называетъ этихъ шестокрылыхъ *серафимами* (VI, 2). Исполненіе ихъ очами спереди и сзади и внутри и непрестанное деннонощное славословіе ихъ, очевидно, несвойственно на землѣ живущимъ, а развѣ высшимъ недремлющимъ духамъ, каковы и суть серафимы и херувимы въ собственномъ смыслѣ. Но, съ другой стороны, должно взять во вниманіе, что эти таинственныя животныя воспѣваютъ вмѣстѣ со старцами, именно такую пѣснь Агнцу: *заклался и искупилъ еси Богови насъ кровію Своею отъ всякаго колѣна, языка и людей и племень* (V, 8—10). Это уже никакъ не свойственно серафимамъ и херувимамъ въ смыслѣ собственномъ. Притомъ славословіе всѣхъ небесныхъ духовъ представляется отдѣльнымъ отъ славословія животныхъ и старцевъ (V, 11—12). Равнымъ образомъ и быть *посредь престола* (IV, 6), на которомъ Сѣдяй есть Самъ Тріединный Богъ Вседержитель и посреди котораго является стоящимъ Агнецъ (V, 6), безъ сомнѣнія, несвойственно и самымъ высшимъ изъ сотворенныхъ и служебныхъ духовныхъ существъ. Итакъ видно, что какъ вообще *небо*, созерцаемое Іоанномъ, открылось ему не въ отвлеченіи отъ земной Церкви, а представляя во Христѣ Богочеловѣкѣ духовную область этой самой Церкви; такъ и эти серафимы или херувимы разумѣются здѣсь не въ собственномъ только смыслѣ, а указуютъ на какое-либо благодатное устройство въ Церкви, соответственное этимъ высшимъ небеснымъ чинамъ и съ ними внутренно-сопряженное. Возьмемъ во вниманіе и уяснимъ тѣ черты, въ какихъ таинственныя животныя представляются въ Апокалипсисѣ; и по этимъ чертамъ ясно и положительно дознаемъ то благодатное устройство въ Церкви, какое ими знаменуется.

Итакъ, въ какихъ чертахъ являются въ Апокалипсисѣ эти серафимскія или херувимскія животныя?

Во 1-хъ,—они въ извѣстныхъ своихъ четырехъ видахъ находятся не только окрестъ, но и посрединѣ престола Благодати. Сображаясь съ извѣстнымъ уже намъ значеніемъ этого престола, можемъ сказать то же другими словами: четыре животныя не только со стороны созерцаютъ спасающую насъ во Христѣ любовь Божію, но и входятъ въ самое ея средо-

точіе, занимаемое Самимъ Богомъ и Агнцемъ. Стороны любви Божіей во Христвъ, по созерцанію Ап. Павла, суть: *Широта* ея, объемлющая всѣхъ, и *Долгота*, простирающаяся въ вѣчность, и *Глубина*, раскрывающаяся до ада, для освобожденія его плѣнниковъ, и *Высота*, достигающая до небесъ, чрезъ возвышеніе на нихъ человѣческаго естества (Еф. III, 18—19). Средоточіе же спасающей насъ Божіей любви, какъ очевидно само собою, есть самое лице Христа Спасителя, въ которомъ собственно и обитаетъ открытая для насъ полнота Божества. Такимъ образомъ по первой чертѣ таинственныхъ животныхъ оказывается, что они не только созерцаютъ широту и долготу, и глубину и высоту любви Божіей во Христвъ, но и входятъ въ самыя тайны Лица Христова, каковы—извѣстно—воплощеніе Бога Слова въ избранномъ народѣ, отъ извѣстнаго рода, явленіе Его въ мірѣ, личное ученіе, дѣла, обстоятельства, страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе.—

Во 2-хъ, эти четыре животныя исполнены очесъ спереди, сзади и внутри, и непрестанно славословятъ Трисвятаго Бога. Для созерцанія не только безпредѣльныхъ сторонъ спасающей насъ Божественной любви, но и самого Лица Христова, или того, какъ Самъ Богъ Вседержитель родился на землѣ, жилъ съ людьми, училъ ихъ, терпѣлъ отъ нихъ и проч. и проч.—для созерцанія всего этого, безъ сомнѣнія, нужно созерцателю быть исполненнымъ очесъ и спереди — чтобы представить это во всей живости и истинѣ — дѣйствительности, хотя и чрезвычайной, но бывшей предъ очами земнородныхъ,—и внутри—чтобы въ то же время слѣдить внутренній порядокъ этой дѣйствительности, — причины, законы и значеніе Богочеловѣческихъ дѣлъ и обстоятельствъ;— и сзади—чтобы имѣть въ виду, или выставить на видъ всемірно-спасительныя слѣдствія этихъ дѣлъ и событий. При созерцаніи всего этого столькими или такими очами естественно непрестанное славословіе созерцателей.

Въ 3-хъ, животныя имѣютъ шесть крыль, конечно, духовныхъ—крыль мыслей, чувствованій, готовности къ дѣятельности. Шесть же крыль [какъ изъясняетъ Исаія о шестокрылыхъ славословящихъ трисвятою пѣснію Бога, каковы и Апокалипсическія животныя (VI, 27) для того, чтобы двумя крылами покрывать лица своя въ обычный знакъ благоговѣнія къ созерцаемому, а другими двумя крылами покры-

вать ноги свои, въ понятный знакъ самоуничженія и смиренія, остальными же двумя летать въ раскрытой для нихъ области съ быстротою и легкостію пернатыхъ.

Въ 4-хъ, они (вмѣстѣ со старцами) воспѣвають Агнцу пѣснь, какъ представители искупленныхъ кровію Агнца изъ всего человѣческаго рода, принося при семъ духовный энѳіамъ или молитвы Святыхъ и держа въ рукахъ, конечно, духовныя же гусли, т. е. гусли сердце тѣхъ же Святыхъ.

И, наконецъ, въ 5-хъ, сопутствуютъ Церкви (также со старцами), какъ горніе назиратели ея судьбъ и побѣдоносныхъ подвиговъ, указуя или назначая казни гнѣва Божія на враговъ Церкви (VI, 1. 8. 5. 7. XV, 7), раздѣляя и подтверждая радость спасенія Церкви (XIX, 7). Къ какому же небесному устройенію въ Церкви идутъ всѣ указанныя черты?

Черезъ первую, вышераскрытую черту четырехъ животныхъ, представляющихъ великіе небесные чины, назнаменуется въ земномъ небѣ или въ Церкви то благодатное устройство, которое въ четырехъ различныхъ видахъ выражаетъ созерцанія спасающей насъ Божіей любви—не только съ разныхъ сторонъ, раскрываемыя ученіемъ созерцателей, но и въ самомъ ея средоточіи—въ Лицѣ Самого Христа, въ личномъ ученіи, дѣлахъ, обстоятельствахъ Самого Вседержителя Бога Слова, ставшаго плотію и въ ней пожившаго съ человѣками и проч. Уже и по этой одной чертѣ видно, что это есть именно Святое Четверо-Евангеліе, взятое въ живой своей силѣ. Посмотримъ, какъ точно и свободно приходятся къ Четверо-Евангелію и всѣ другія указанныя черты. Для созерцанія того, какъ Самъ Богъ Вседержитель истощился до воплощенія въ дѣвственной утробѣ, до младенчества и дѣтскихъ пеленъ, до собесѣдованія и яденія съ мытарями,—до допущенія къ Своимъ Божественнымъ стопамъ блудницы,—какъ распятый и погребенный воскресаетъ въ Божественную жизнь и славу и пр. и пр., что изложено въ Евангеліи,—для такихъ и выспренныхъ и таинственныхъ созерцаній, безъ сомнѣнія, потребны херувимскія очи. Въ Четверо-Евангеліи же все это изображено съ необыкновенною живостію самой дѣйствительности, съ услѣженіемъ, даже въ самыхъ тонкихъ чертахъ, внутренняго премудраго порядка въ дѣлѣ Христовомъ, съ проникновеніемъ всѣхъ здѣсь частныхъ мыслей о совершеніи черезъ все то человѣческаго спасенія. Вотъ

четыре херувимскія животныя съ очами спереди, внутри и сзади. Далѣе, Ангельскіе чины и особенно ближайшіе къ престолу Божію, въ созерцаіи открытаго имъ Лица Христа, безъ сомнѣнія, продолжаютъ съ свойственною имъ быстротою и легкостію то *восходитъ* къ полнотѣ Божества Его, то *нисходитъ* къ Его человѣчеству и крестнымъ Его язвамъ и пр. (Іоан. I, 51), съ благоговѣйнымъ страхомъ, желая прикинуть въ Божественныя Его тайны (1 Петр. I, 12) и исчезая въ движеніяхъ и славословныхъ выраженіяхъ преданности и покорности Ему: духъ и силу этого самаго зрѣлища вышихъ небожителей и выражаетъ Четверо-Евангеліе, благоговѣйно и свободно слѣдя то—проявленія Божества, то подвиги или состоянія человѣчества въ Лицѣ Того же Господа Іисуса, и это устроено для Церкви однажды навсегда. Представить то же въ живомъ и точномъ образѣ силы и дѣйственности Четверо-Евангелія:—это четыре шестокрылыя, неусыпно славящіе Своего Господа Серафимы. Потомъ въ вѣрующихъ, присѣдающихъ подобно Маріи *при ногу Іисусову* и слушающихъ слово Его, слѣдующихъ за Его дѣлами во св. Четверо-Евангеліи, обыкновенно при семъ или возжигается имиамъ чистой и умиленной молитвы, или потрясаются внутреннія струны сердца, которыя и издають то возвышенныя звуки Богомыслия, то сладкіе звуки Божественнаго желанія и любви и пр. Вотъ держимые этими таинственными животными гусли и золотыя чаши съ молитвеннымъ имиамомъ святыхъ! И, наконецъ, такъ какъ Божественное Четверо-Евангеліе предавалось Церкви въ Божественное руководство и Законъ Благодати на всѣ времена: то оно, живя и дѣйствуя во всѣхъ преданныхъ Христу душахъ, посему и составляетъ въ своихъ четырехъ видахъ какъ-бы представителей всего искупленнаго сонма и горнихъ назирателей всѣхъ судебъ Церкви; оно и самыхъ враговъ судить и низлагаетъ содержащимся въ немъ словомъ Христовымъ.

Такимъ образомъ значеніе четырехъ извѣстныхъ животныхъ, какъ символъ Четверо-Евангелія, опредѣляется и оправдывается тѣми самыми чертами, въ какихъ представлены въ Апокалипсисѣ эти таинственныя животныя. Извѣстно, что такое воззрѣніе на нихъ идетъ отъ самой ранней христіанской древности и содѣлалось общецерковнымъ воззрѣніемъ. Еще во 2-мъ вѣкѣ св. Иринея изъяснялъ ихъ какъ символы

Евангелистовъ (см. толк. Андр. Кесар.); также толковали— Блаженный Иеронимъ, Августинъ, Св. Григорій Двоесловъ (In Nom. IV in Ezek.) и другіе. Нынѣ почти въ каждой церкви можно видѣть самыя образы этихъ животныхъ вмѣстѣ съ ликами св. Евангелистовъ, и это обыкновенно на самомъ видномъ мѣстѣ (особенно на царскихъ вратахъ или по угламъ церковнаго купола). Соответствіе между самими видами этихъ животныхъ и Евангеліями поразительно по своей точности.

Впрочемъ, должно напередъ замѣтить, что примѣненіе символическихъ животныхъ къ самимъ Евангеліямъ различными дѣлались различно въ христіанской древности ¹⁾. Посему, по необходимости, должно намъ нарочито изслѣдовать, къ какому именно Евангелію идетъ тотъ или другой символъ. Во избѣжаніе произвольности будемъ держаться тверже самого Апокалипсиса и точнѣе вникать въ самыя Евангелія.

Животное первое подобно льву, сказано въ Апокалипсисѣ. *Левъ* поразительный символъ царственнаго величія и силы, такъ въ Апокалипсисѣ, рядомъ почти съ симъ (V, 5) и названъ львомъ побѣдоносный Царь—Мессія, обѣтованный потомокъ Іуды и Давида: *се побѣдилъ есть Левъ отъ колѣна Іудова—корень Давидовъ*. Первое по времени происхожденія и мѣсту въ св. канонѣ есть Евангеліе Матѳея. Оно дѣйствительно представляетъ Христа, какъ Льва отъ колѣна Іудова и Корня Давидова, какъ Божественнаго Царя Израилева, пришедшаго въ Свое наслѣдіе во всемъ согласно съ обѣтованіями и пророчествами, нашедшаго мятежъ въ Своемъ царствѣ, царственно отвергшаго мятежниковъ, образовавшаго Новозавѣтное владычество и *пріявшаго*, наконецъ, всякую власть па небеси и на земли (Матѳ. XXVIII, 18). Это Евангеліе первона-

---

¹⁾ Напр. одного Льва—Ириней относить къ Еванг. Іоанна, Августинъ къ Матѳею, Иеронимъ къ Маркову. Въ памятникахъ нашей Русской церковной древности встрѣчаются также разныя соотношенія символическихъ животныхъ съ Ев-іями, какъ-то показываеетъ изслѣдованіе нашей старины (Снегирева). Даже въ изданіяхъ Н. З., употребляемыхъ въ церквахъ и донынѣ, можно находить такое предисловіе къ Маркову Ев-ію: „Ев-іе, еже отъ Іоанна имѣеть лице *Львова*; царско бо и пр. Марка же Орлу подобится“ и д. Библ. въ 4-хъ том. 1806 г. Москва.

чально и назначалось для вѣрующихъ Израильтянъ, природныхъ подданныхъ Всевышняго Царя.

Второе животное подобно телцу. Телецъ животное жертвенное и само по себѣ кроткое, простое, однако крѣпкое. Второе изъ Евангелій по времени происхожденія и мѣсту въ канонѣ есть Евангеліе Марка. Оно слѣдитъ и изображаетъ сколько возможно—просто и прямо, путь Господень (I, 2), и именно путь крестнаго самопожертвованія за грѣшныхъ, какой проходилъ Христосъ съ любовью, столь удобоприступною и щедро-даровитою для вѣры, но и съ строгой твердостью противъ невѣрія и даже колеблемости вѣры (см. VIII, 17—18), съ простыми и немногими, но выразительными и сильными указаніями пути ко спасенію; доколѣ окончательно не принесъ Онъ Себя Самого въ жертву. всесоженія чрезъ страданія и крестную смерть и съ этою Своею жертвою возшла *во святая*, т. е. вознесся на небо и возсѣлъ одесную Бога, изрекши приговоръ осужденія невѣрующимъ, а вѣрующимъ даруя спасеніе съ самыми очевидными въ этомъ удостовѣреніями (XVI, 15—20). Съ особенною выразительностію это Евангеліе поставляетъ на видъ кроткое благоволеніе Спасителя къ простотѣ (напр. дѣтей,—у одного только Ев. Марка указана эта черта: *объемь е, IX, 36, объемь ихъ X, 16—рѣчь о дѣтяхъ*), къ откровенности (напр. юноши, говорившаго съ простодушіемъ, что всѣ заповѣди соблюлъ онъ отъ начала); ¹⁾ также, съ другой стороны, столь строгое обличеніе Спасителемъ недостатка простоты вѣры, что такой недостатокъ Онъ представляетъ жестокосердіемъ и невѣріемъ ²⁾. Изъ этого же Евангелія видно также Божественное истощаніе Христа, что Онъ даже приписываетъ Самому Себѣ (по чловѣчеству)

¹⁾ Несмотря на то, что юноша говорилъ не совсѣмъ правду и чрезъ минуту оставилъ Господа—*отъиде скорбя*,—Господь Іисусъ по замѣчанію Марка (одного) *возврътъ намъ возлюби его X, 21.*

²⁾ XVI, 14. Замѣчательно что св. Іоаннъ не упомнваетъ о невѣрїи или сомнѣнїи учениковъ касательно воскресенія Христова, кромѣ особеннаго случая съ Ѳомою; Ев. Матѣей замѣчаетъ только: *оѵи усумнѣшася*; св. Лука повѣствуетъ, что сомнѣнїе происходило не только отъ косности сердца (XXIV, 25), но и отъ радости (41), между тѣмъ св. Маркъ говоритъ прямо: *поноси невѣрствѣю ихъ и жестосердїю.* Въ одной и той же дѣйствительности каждый Ев. слѣдилъ и избиралъ особыя черты.

невѣдѣніе дня и часа кончины міра ¹⁾. Объ этой чертѣ другіе Евангелисты вовсе не упоминаютъ. Евангеліе Марка первоначально и назначалось для дитяти вѣры—новообращенныхъ язычниковъ, которыхъ требовалось утвердить въ вѣрѣ.

Третье животное, и мущее лице, яко человекъ. Третьимъ Евангеліемъ постановлено изъ первоначальной христіанской древности Евангеліе отъ Луки, которое и произошло послѣ двухъ вышеуказанныхъ. Оно изображаетъ служеніе Христа именно какъ главы всего спасаемаго человѣчества, безъ различія между іудеями и язычниками, между мужескимъ поломъ и женскимъ и пр. Такъ еще въ предначатіи Новаго Завѣта, и священникъ за недовѣріе подвергается прещенію, а юная Дѣва возвышается за *всесовершенную преданность вѣры* въ величіе Матери Господа. Тогчасъ же по рожденіи Христосъ Господь славословится ангелами, какъ Виновникъ міра на землѣ вообще и благоволенія къ человѣкамъ; въ Немъ, сорокадневномъ дитяти, вѣра и праведность въ лицѣ Симеона и Анны созерцаютъ спасеніе для всѣхъ людей, свѣтъ язычниковъ, а не только что славу Израиля; по роду Своему Онъ возводится до Адама и Бога и такимъ образомъ объемлетъ Собою все человѣчество и самого Адама; въ началѣ еще Своего служенія ближайшимъ соотчичамъ Онъ предпочитаетъ вѣрующихъ язычниковъ (IV, 24—27); равно и впослѣдствіи изрекаетъ притчи для раскрытія, въ особенности, тайны благодатнаго помилованія грѣшнаго и погибающаго человѣка (напр. о блудномъ сынѣ, о впадшемъ въ разбойники, о мытарѣ и фарисеѣ); тому же поучаетъ самыми дѣлами и обстоятельствами (каковы напр. исцѣленіе десяти прокаженныхъ, изъ которыхъ одинъ только нашелся благопризнательнымъ, и той бы Самарянинъ, а не Іудей;—посѣщеніе и помилованіе Закхея, начальника мытарей, обыкновенно поставляемыхъ Іудеями въ одинъ рядъ съ язычниками); на крестѣ спасаетъ и разбойника увѣровавшаго; наконецъ по воскресеніи открываетъ и изъ В. Завѣта тайну всеобщаго-человѣческаго спасенія (XXIV, 45—53). И вообще это Евангеліе, писанное подъ руководствомъ Павла и сотрудникомъ Пав-

¹⁾ *О дни же томъ или о часѣ никтоже вѣсть ни Сынъ, токмо Отецъ Марк. XIII, 32.*

ловымъ, направлялось къ тому, чтобы чрезъ точное изслѣдованіе и изображеніе служенія Христова удостовѣрить въ истинѣ ученія, слышаннаго Теофиломъ (I, 1—4), конечно отъ Ап. Павла или отъ кого либо изъ его сотрудниковъ; а Ап. Павелъ особенно училъ о безразличіи во Христѣ Іудеевъ и язычниковъ, о спасительности собственно благодати Христа-Представителя и Ходатая всѣхъ человѣковъ, объ оправданіи потому всякаго вѣрующаго человѣка.

Четвертое животное подобно орлу летящу. Евангеліе Іоанново, четвертое по мѣсту въ канонѣ и времени происхожденія, изображаетъ Лице Христа и Его служеніе въ самомъ выпрненемъ Его значеніи—именно, какъ воплощеннаго Бога-Слова, и впродолженіе земнаго служенія, неотступно Сущаго прѣвыше небесъ въ лонѣ Бога Отца, непосредственно внимающаго Богу Отцу,—какъ Основателя горняго Царства не отъ міра сего, Который носить Своихъ прѣвыше всего мірскаго и Божественно—орлинымъ окомъ озираетъ все свое служеніе (напр. въ Первосвященнической молитвѣ). Это Евангеліе и писано для того, чтобы раскрыть Христову истину во всей ея духовной выпрренности и возвысить вѣру къ орлиному созерцанію Солнца истины—Христа, какъ Единороднаго Сына Божія и Бога Воплощеннаго. Итакъ, вотъ въ какомъ точномъ соотвѣтствіи съ порядкомъ и видомъ Апокалипсическихъ животныхъ находятся, по своему порядку, содержанію и назначенію, четыре Евангелія. (1)

1) Предложенное толкованіе подтверждается и тѣмъ, что много рода истолкованія сего предмета основываются не на соображеніи всего состава и порядка Евангелій, а на первыхъ словахъ каждаго изъ Евангелій,—словахъ, которыя можно изъяснять и изъясняютъ различно, по личному взгляду толкователей. Такъ болѣе вошедшее въ употребленіе толкованіе Іеронимова говоритъ о Евангеліи Маттея: „Лице человѣка означаетъ Маттея, который о Христѣ, яко о человѣкѣ началъ писать такъ: „книга родства“ и д.—Потомъ о Маркѣ: „Лице львова означаетъ Евангеліе Марка, въ которомъ при началѣ слышится гласъ льва, вопіющаго въ пустыни о прішествіи Христовомъ“ (въ изъясн. Іезек). Но вотъ въ упоминаемомъ выше изданіи Н. З., употребляемого и въ церкви: „Евангеліе отъ Марка орлу подобитя: ибо отъ предтечи Іоанна нача пророческая, яже благодать проарительная сущи и скоро, яже далеко суть, видящая, яко орель есть“. Касательно Іоаннова: „Евангеліе, еже отъ Іоанна, имѣтъ Лице Львова: царско бо левъ.—Подобяѣ убо Іоаннъ отъ царскаго и владычественнаго свойства Божества слово нача глаголя: Въ началѣ бѣ Слово... и Богъ бѣ Слово“. Между тѣмъ Іеронимъ на основаніи этого самаго начала

Теперь должно изслѣдовать значеніе Старцевъ. По связи въ какой они состоятъ съ таинственными животными, можно уже угадывать, что и первые по значенію своему однородны съ послѣдними. Впрочемъ будемъ изслѣдовать дѣло не по

соединяетъ съ Евангеліемъ отъ Іоанна символъ орла. Если же притомъ въ книгѣ Іезекіиля порядокъ таинственныхъ животныхъ другой,—сначала указанъ человекъ, потомъ левъ, далѣе телець и наконецъ орель, то 1-ое Вѣтхій З. въ своемъ значеніи изъясняется изъ Новаго, а не наоборотъ; 2, цѣль видѣнія того и другого Тайнозрителя не одна и та же. Іоаннъ видѣлъ чинъ и устройство Н.-Завѣтной Церкви, и потому представляетъ Четверо-Евангеліе, какъ оно преподано и въ какомъ опредѣленномъ видѣ должно остаться навсегда въ Церкви: так. обр. здѣсь и выраженъ порядокъ Четверо-Евангелія-каноническій. Іезекиль созерцалъ собственно духъ В. Завѣта, долженствующій, независимо отъ разрушенія В.-Завѣтнаго вѣшняго устройства, вполне раскрыться въ Н.-Завѣтъ; и потому ему первѣе всего явленъ человекъ, предъупреждающій плотскому Израилю на неограничиваемое избраннымъ народомъ и его памятниками значеніе Спасителя,—потомъ уже, по предупрежденіи плотскихъ самолюбивыхъ возарній Іудейства, на царственное достоинство ожидаемаго Мессіи Божественнаго Царя Израилева и т. д.

Впрочемъ и ветхозавѣтный или Іезекилевъ порядокъ символическихъ животныхъ (принятій у насъ церковнымъ иконописаніемъ) въ приложеніи къ Четверо—Евангелію, даетъ вѣрѣ живая и глубокая мысль, если только этотъ порядокъ будемъ разсматривать въ свѣтѣ н.-завѣтнаго апокалипсическаго порядка тѣхъ же таинственныхъ животныхъ. Такъ царственный *Левъ отъ Іуды*, изображеніе котораго есть самое существо и духъ Евангелія Матеева, имѣетъ царственныя права уже не надъ одними Іудеями, но надъ всѣмъ *человѣчествомъ* и надъ всѣмъ *человѣчествомъ*, чтобы все и всѣхъ спасти отъ грѣха и гибели; въ этомъ смыслѣ символъ *человѣка* можетъ идти и къ Евангелію Матееву, изображающему Царя новаго Израиля. Равно и саможертвенный за спасеніе міра *Телець*, съ такою простотою представляемый въ Евангеліи Марка, чрезъ это самопожертвованіе явился Царемъ благодати или *Львомъ*, царствующимъ надъ міромъ, не воспящаемо отъ грѣховъ послѣдняго; въ этомъ смыслѣ къ Евангелію Марка идетъ и символъ *Льва*. Также единъ Ходатай Бога и человекъ—*Человекъ* Христосъ Іисусъ, изображаемый въ Евангеліи Луки, явился такимъ чрезъ то Свое самопожертвованіе, по которому, въ своемъ Боговочеловѣченіи ради всѣхъ человекъ, былъ какъ саможертвенный Телець; въ этомъ смыслѣ символъ *Тельца* причисляется и Евангелію Луки, названнаго по своему духу въ апокалипсисѣ символомъ *Человѣка*. Таинственный *Орель* въ порядкѣ символическихъ животныхъ, равно и у Іезекіиля и въ Апокалипсисѣ, занимаетъ четвертое мѣсто и потому причисляется только одному четвертому Евангелію, Іоаннову, изображающему вышесмірную высоту Бога Слова въ самомъ Его человекѣлюбивомъ истощаніи за міръ.

однимъ догадкамъ. Возьмемъ и здѣсь во вниманіе тѣ черты, какими изображаются старцы. Во 1-хъ, они являются духовно-совершенными, и уже увѣнчанными небесною славою, притомъ и облеченными властію. Такъ самый ихъ возрастъ, понимаемый въ отношеніи не къ физической, а къ духовной жизни (ибо видѣніе—въ высшей степени духовное), показываетъ, что они достигли *въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. IV, 13). Можно разумѣть названіе *старцевъ* въ смыслѣ правительственнаго ихъ значенія, подобно какъ у Израиля назывались *старцами* и Судіи,—и вмѣстѣ церковно-служебнаго предстоительства, подобно какъ въ ново-завѣтной Церкви уже и въ Апостольское время, такіе предстojатели назывались *πρεσβύτεροι*, что значитъ старцы: такое значеніе этого названія совершенно согласно съ прочими чертами старцевъ, видными далѣе. Эти старцы уже и сидятъ на престолахъ, находящихся при престолѣ Самого Господа Бога; тогда какъ Господь общалъ вѣрнымъ Своимъ послѣдователямъ и ученикамъ, что они не ранѣе, какъ въ *накибытіи*, *егда сядеть Самъ Онъ на престолѣ славы Своей, сядутъ также на престолахъ* (Мат. XIX, 28). Они облечены въ бѣлыя ризы,—символь чистоты и святости, и имѣютъ златые вѣнцы на главахъ,—символь величія и славы: таково должно быть во всей духовной красотѣ и славѣ своей Царственное Священство, какъ называются христіане, содѣлавшіеся во Христѣ духовными Царями и Іереями Богу и Отцу (Апок. 1, 6). Итакъ дѣйствительно, старцы являются духовно-совершенными и увѣнчанными уже небесною славою, притомъ и облеченными властію. Это первое многостороннее качество сихъ старцевъ!—Во 2-хъ, старцы вмѣстѣ съ четырьмя животными являются, какъ славословящіе Агнца представители искупленныхъ Его кровію изъ всего человѣческаго рода, держа въ рукахъ гусли и чаши съ молитвеннымъ оиміаомъ святыхъ. И въ 3-хъ, они вмѣстѣ съ тѣми же животными сопутствуютъ Церкви, какъ небесныя назиратели ея судебъ и подвиговъ, раздѣляя и утверждая радость ея о спасеніи.—Въ 4-хъ, наконецъ, замѣчательно, что *единъ отъ старцевъ* вразумляетъ самого Тайнозрителя касательно раскрытія книги судебъ Церкви: *не плачися, се побѣдилъ есть Левъ, иже Сый отъ колѣна Іудова, корень Давидовъ, размути книгу* (V, 5). И послѣ, при нѣкото-

ромъ случаѣ опять *единъ отъ старцевъ* (VII, 13) вразумляетъ Іоанна. Также нельзя не замѣтить той особенности, что на зрѣлищѣ, представляющемъ сначала служеніе двухъ великихъ свидѣтелей Христовыхъ и потомъ явленіе въ отверзтомъ храмѣ Ковчега Завѣта,—являются славословящими Бога одни старцы безъ четырехъ животныхъ (XI, 16); хотя при другихъ случаяхъ тѣ и другіе обыкновенно являются вмѣстѣ. Кому же или чему въ Христовой Церкви свойственны всѣ такія необыкновенныя черты?

Видно, что здѣсь многія черты сняты съ образа христіанъ совершенныхъ и прославленныхъ, какъ это и необходимо въ отношеніи къ представителямъ всѣхъ искупленныхъ; но кто же или что такое въ Церкви эти небесные представители искупленныхъ,—это нужно еще рѣшить. Разумѣютъ иные ¹⁾ подъ двадцатью четырьмя старцами Ангеловъ двадцати четырехъ часовъ суточного времени; но кромѣ числа нѣтъ другаго основанія такому изъясненію. Другіе ²⁾ разумѣютъ двѣнадцать Патріарховъ Израильскихъ и двѣнадцать Апостоловъ Христовыхъ; но не говоря о томъ что видѣніе относится собственно къ Церкви Христіанской,—при этомъ изъясненіи большая часть изъ указанныхъ принадлежностей старцевъ остается безъ приложенія и значенія. Чтобы не допустить произвольности въ изъясненіи и вмѣстѣ раскрыть значеніе старцевъ во всѣхъ ихъ чертахъ,—обратимся къ твердому и всестороннему руководству слова Божія.

Ключъ къ разрѣшенію вопроса о старцахъ подаетъ Апостолъ Павелъ, когда говоритъ о значеніи Новаго Завѣта сравнительно съ Вѣтхимъ. Онъ учитъ, что служеніе Новаго Завѣта есть *служеніе не буквы, а духа* (2 Кор. III, 6), т. е. завѣтъ благодати является въ своей силѣ и истинномъ значеніи не иначе, какъ будучи начертываемъ не просто только внѣшними письменами, подобно какъ Вѣтховѣтний Законъ начертанъ былъ на скрижаляхъ каменныхъ, но *Духомъ Бога живаго на скрижаляхъ вѣрующаго сердца плотяныхъ*. Теперь слѣдуя этому Апостольскому ученію, посмотримъ на врученныя Церкви Самою Благодатію книги Новаго Завѣта,—не во внѣшнихъ только ихъ письменахъ (ибо въ семъ случаѣ онѣ и относились бы къ служенію одной буквы),—а въ самой

¹⁾ Викторинъ Петав. De fabrica mundi.—Migne.—Patr. ser. lat. gr., t. 5, col. 313 B.

²⁾ Указаніе этого мнѣнія у Авдrea Кесар. въ толкованіи.

ихъ силѣ и животворномъ значеніи, т. е. въ начертаніи ихъ на внутреннѣхъ скрижаляхъ человѣка. И въ такомъ живомъ значеніи въ Церкви книгъ Благодати, представимъ ихъ себѣ въ собственномъ только ихъ составѣ и числѣ, въ отвлеченіи отъ всякой определенной личности вѣрующаго: ибо Новый Заветъ, начертываясь на скрижаляхъ сердець, тѣмъ не менѣе имѣетъ самостоятельность, независимую отъ индивидуальности и слабости сердець человѣческихъ,—иначе онъ и не былъ бы служеніемъ постоянно *пребывающимъ* (2 Кор. III, 11).—Къ разсмотрѣнію Новозавѣтныхъ откровеній въ ихъ духѣ и силѣ и вмѣстѣ въ отдѣльности ихъ отъ всякой личности вѣрующаго, кто бы то ни былъ,—въ самостоятельномъ ихъ значеніи,—руководительный примѣръ поданъ намъ тѣмъ же Апостоломъ Павломъ. Онъ говоритъ: *аще мы или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ наче, еже благовѣстихомъ вамъ, а наема да будетъ* (Гал. 1, 8). Здѣсь Ново-завѣтныя откровенія взяты въ отвлеченіи не только отъ пріемлющихъ, но и отъ сообщающихъ эти откровенія служителей слова, и притомъ такихъ, каковы самъ Апостолъ или Ангелъ небесный. ¹⁾

Такъ повторю: слѣдуя образу Апокалипсическихъ откровеній, представимъ себѣ Богоначертанныя книги Новозавѣтныхъ откровеній въ ихъ живомъ и дѣствительномъ значеніи, какъ начертанныя Св. Духомъ на духовныхъ и живыхъ скрижаляхъ Новозавѣтной Церкви, а также и въ отдѣльности ихъ отъ той или другой личности вѣрующаго. Такое представленіе книгъ Новозавѣтныхъ во всей точности и живости едва ли и возможно иначе, какъ чрезъ образованіе въ представленіи—столькихъ же мысленныхъ живыхъ личностей, вошедшихъ въ полную мѣру Христовой благодати и правящихъ всею полнотою Церкви,—сколько самыхъ книгъ бла-

¹⁾ Этого кажется слишкомъ довольно для отраженія и даже предупрежденія того страннаго возраженія, что будто бы въ представленномъ объясненіи одинъ Павелъ раздѣляется на 14 мысленныхъ личностей, Петръ на двѣ личности и т. д. Дало здѣсь же о Павлѣ или Петрѣ, а о томъ духѣ и силѣ ихъ писаній, которыя самъ Павелъ отдѣляетъ отъ Апостольскихъ и Ангельскихъ личностей, и которые какъ вѣчно живые, съ благодатною властительностію дѣйствуютъ въ Церкви подобно прісѣдающимъ престолу Божеств. благодати и носящимъ въ себѣ Божественное слово личностямъ. Видъ таково и есть значеніе и дѣйствіе въ Церкви Апостольскихъ писаній.

годати, своеобразно начертывающихся въ вѣрующихъ сердцахъ. Не можетъ быть исключено отсюда и Евангеліе; ибо духъ служенія Христова, изображаемаго въ Евангеліи, долженъ такъ же усвоиться вѣрующими, какъ и духъ всякой другой новозавѣтной книги, раскрывающей ту или другую сторону спасающей насъ во Христѣ любви Божіей: *sic da мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Исусѣ* (Филип. II, 5), говорить Апостоль Павель, указуя далѣе все, изображенное собственно въ Четверо-Евангеліи, поприще служенія Христова—отъ Его истощанія до Его превознесенія. И слѣдовательно, само Четверо-Евангеліе, только въ качествѣ уже одной книги жизни и служенія Христова, необходимо представляетъ въ своемъ живомъ значеніи и силѣ одну изъ этихъ личностей мысленныхъ, достигшихъ въ мѣру полного возраста Христовой благодати и истины и духовно правящихъ всею Церковію, которые суть представители всѣхъ искупленныхъ. И такимъ образомъ вмѣстѣ съ книгою св. Евангелія, книга Дѣяній Апостольскихъ, семь соборныхъ посланій, четырнадцать Павловыхъ и Апокалипсисъ составляютъ полный благодатный Соборъ двадцати четырехъ старцевъ,¹⁾ появленіе которыхъ въ Апостольской Церкви и дано видѣть Иоанну.

Нужды нѣтъ, что Четверо-Евангеліе уже представлено во всей раздѣльности въ образѣ четырехъ животныхъ. Ибо здѣсь оно взято во вниманіе, какъ мы уже и видѣли, въ совершенно другомъ отношеніи. А что одинъ и тотъ же предметъ, но въ различныхъ отношеніяхъ разсматриваемый, можетъ быть и бываетъ представляемъ на одномъ и томъ же зрѣлищѣ, въ двухъ или болѣе видахъ,—особенно ясное доказательство этому—изображеніе Духа благодати въ семь самомъ видѣніи Иоанна: въ Сѣдящемъ на престолѣ Трисвятомъ уже явленъ и Святыи Духъ; но Онъ открытъ еще и въ об-

¹⁾ Для мысли, не привыкшей къ духовному разсужденію, можетъ показаться затруднительнымъ пожалуй и то, какимъ образомъ и маленькія посланія—Дуды или второе и третье—Иоанна—идутъ въ уровень съ другими писаніями Нового Завета, не менѣе послѣднихъ представляя въ себѣ благодатныхъ духовныхъ старцевъ. Но маленькіи или обширныя—или одружія писанія Новозавѣтныя по буквамъ; а здѣсь имѣется въ виду собственно *духъ* этихъ писаній, принадлежащій благодати Святаго Духа равно во всѣхъ писаніяхъ.

разѣ седми свѣтильниковъ, поскольку благодать Его раздѣляется на частныя дары; потомъ снова представляется въ седми рогахъ и очахъ Агнца, такъ какъ именно въ Агнцѣ открыты людямъ и проявляютъ Агнчій духъ дары Святаго Духа. Равно и Христосъ, какъ проявляющій Отца по Своему Божественному естеству, какъ Богъ и Творецъ и Возсоздатель міра, уже явленъ въ тайнѣ Трисвятаго Вседержителя; но какъ искупительная за міръ Жертва, представляется въ видѣ *яко заколеннаго Агнца*. Такъ и Четверо-Евангеліе, насколько своими серафимскими очами созерцаетъ дѣло служенія Христова, такъ сказать, предметно (объективно) въ его живой дѣйствительности, по внутреннимъ его планамъ и со всеобщеспасительными слѣдствіями,—представляетъ четырехъ таинственныхъ животныхъ, находящихся не только окрестъ, но и посредѣ престола; а на сколько оно раскрываетъ жизнь Христову для подражанія и ученіе Его для исполненія, давая чрезъ это вѣрующимъ самимъ въ себѣ отображать херувимовъ (какъ сказано въ извѣстной церковной пѣсни: *иже херувимы*)—это есть одинъ изъ находящихся окрестъ престола старцевъ. Угодно ли видѣть, какъ Церковь такое-же двойственное понятіе о Четверо-Евангелии издревле выражаетъ видимымъ образомъ? Четверо Евангеліе она поставила и въ канонѣ Новаго Завѣта на ряду съ прочими св. книгами, и въ то же время изымаетъ его изъ общаго состава новозавѣтныхъ книгъ, полагая и содержа его на самомъ священномъ мѣстѣ святилища, на престолѣ. Итакъ и значеніе, и число, и зрѣлый возрастъ двадцати четырехъ старцевъ совершенно изъясняются, если взять послѣднихъ представляющими собою новозавѣтныя боговдохновенныя книги въ самой ихъ благодатной силѣ и дѣйстви.

Обратимся опять къ ученію Апостола Павла, и въ его свѣтѣ увидимъ, что и всѣ другія черты старцевъ существенно свойственны книгамъ Новаго Завѣта, взятымъ не въ мертвой буквѣ, а въ самой ихъ силѣ и дѣйстви въ вѣрующихъ. *Како не множае паче служеніе духа будетъ въ славъ?.. Избыточествуеть служеніе правды въ славъ.* Вотъ что еще говоритъ Апостоль (2 Кор. III, 8. 9.) о служеніи Новаго Завѣта сравнительно съ Ветхозавѣтнымъ Закономъ. *Служеніе правды* благодатной: эта черта Новаго Завѣта является въ символѣ бѣлыхъ одеждъ на старцахъ (выше уже

было показано значеніе бѣлыхъ одеждъ, какъ символа духовной чистоты и правды благодатной). *Служеніе славы*: это свойство Новаго Завѣта явлено въ символѣ золотыхъ вѣнцовъ на главахъ старцевъ. — *Мы вси*, говоритъ еще Апостоль отъ лица какъ служителей или богодохновенныхъ учителей Новаго Завѣта, такъ и воспріемлющихъ его христіанъ, — *мы вси откровеннымъ лицомъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемъ отъ славы въ славу*, (ст. 18). Открытая слава Господня, какъ область и самое существо высшаго блаженства, есть еще предметъ чаянія для насъ вѣрующихъ: слѣдовательно, здѣсь разумѣется слава собственно любви Христовой, насколько она уже открыта и доступна для нашей вѣры. Это преимущество Новаго Завѣта—откровеннымъ лицомъ взирать на духовную славу Господню и въ тотъ же образъ преобразоваться отъ славы въ славу—опять кажется нельзя и представить точнѣе и живѣе того, какъ представлено оно въ образѣ старцевъ, сѣдящихъ на престолахъ кругомъ открытаго престола благодати.—Кромѣ того, служеніе Новаго Завѣта Апостоль называетъ не *престающимъ*, а постоянно *пребывающимъ* (ст. 11). Слѣдовательно, старцы, представляющіе въ себѣ всѣ отдѣлы Новаго Завѣта во всей ихъ живой силѣ и дѣйстви въ вѣрующихъ, движа ихъ души, возвышая ихъ мысли и чувства къ Богу,—необходимо оказываются посему, какъ и таинственные животныя, представителями всѣхъ искушенныхъ и спасаемыхъ въ Церкви, держащими въ рукахъ гусли сердце и молитвенный ѳиміамъ святыхъ ¹⁾ Почему они отъ лица всѣхъ иску-

¹⁾ Однако гусли и молитвенный ѳиміамъ, держимыя животными Четверо-Евангелія, различны отъ гуслей и ѳиміама, находящихся въ рукахъ старца, представляющаго Евангеліе, насколько вѣрующая душа возбуждается къ молитвѣ или другому духовному движенію чрезъ чтеніе и слушаніе Евангелія, какъ вообще благодатнаго сказанія о Христѣ, назидающаго вѣру, руководящаго къ чистой, богоподобной добродѣтели,—это гусли и чаши съ ѳиміамоу въ рукахъ старца: а если вѣрующій углубляется сознательно или входитъ инстинктивно въ дѣло личнаго служенія Христова, взятое само только по себѣ, какъ дѣло много-различной премудрости Божіей, и для сего вникаетъ и въ духовныя различія четырехъ Евангелій, слѣдя въ нихъ то ходъ Льва, то пареніе Орла и проч. и такимъ образомъ приходитъ въ молитвенное движеніе или Богомысліе и проч. „*жерувимовъ тайно образующе*“—это суть гусли и ѳиміамъ въ рукахъ *животныхъ серафимо-жерувимскихъ*.

пленныхъ и воспѣвають предъ Агнцемъ: *искупилъ еси насъ кровію Своею отъ всякаго колѣна и языка, и людей, и племенъ.*— Присемь, какъ очевидно само собою, необходимо имъ быть также и постоянными сопутниками и всегдашними Божественными назирателями судебъ Церкви—двигателями по-двиговъ вѣры.

Понятно и вразумленіе самого Тайнозрителя *единымъ отъ старецъ*, какъ представителемъ одной изъ св. книгъ Новаго Завѣта, взятой въ самомъ своемъ духѣ и силѣ. Какой же книги? *Единъ отъ старецъ*, по слововыраженію новозавѣтныхъ св. писателей и самого Тайнозрителя, есть собственно первый отъ старецъ. Такъ *едина отъ субботъ* ¹⁾ въ Новомъ Завѣтѣ, есть именно первый день отъ субботы, или слѣдующій за субботою (см. Мат. XXVIII, 1), такъ и въ самомъ Апокалипсисѣ *едино отъ животныхъ* (VI, 1 сл. 3. 5. 7) означаетъ именно *перваго* изъ четырехъ животныхъ: слѣдовательно и *единого* отъ старецъ надо понимать, какъ *перваго* изъ нихъ.

Первая изъ св. книгъ Новаго Завѣта есть именно Четверо-Евангеліе, которое, взятое въ самой своей силѣ и духѣ на ряду съ прочими новозавѣтными св. книгами, и означаетъ первымъ старцемъ. Именно такое значеніе этого *единого* отъ старецъ подтверждается ясно самими его словами: *побѣдилъ естъ Левъ, иже Сый отъ колѣна Іудова, корень Давидовъ, разгнати книгу.* Чтобы властно разгнуть книгу судебъ Церкви, надобно побѣдить все враждебное Церкви или всякое зло міра,—а Христосъ, *Агнецъ Божій* *вземляи грѣхъ міра*, дѣйствительно на Себя Самого воспріялъ и въ Себѣ потребилъ зло міра, въ какихъ бы видахъ оно ни раскрывалось во все времена; и такимъ же образомъ Онъ *побѣдилъ разгнати книгу всякихъ судебъ Церкви.* Совершеніе Христомъ этого дѣла или этой побѣды надъ зломъ міра, простирающейся на все времена и чрезъ это раскрывающей книгу судебъ Церкви, и изображается собственно въ Святомъ Четверо-Евангеліи. И вотъ этотъ единъ или первый изъ старцевъ, совершающій или раскрывающій свѣтъ побѣдоносной Хри-

¹⁾ Греч. *μία* (т. е. *ἡμέρα*) *ἀπὸ σαββάτων*, или просто *μία σαββάτων* (1 Кор. XVI, 2).

стовой жизни, смерти, воскресенія и вознесенія, возвѣщаетъ: *се побѣдилъ есть Божественный Левъ разгнати книгу*. Тому же *единому отъ старцевъ*, представителю живаго духа и силы св. Четверо-Евангелія въ ряду другихъ книгъ Новаго Завѣта, свойственно объяснить значеніе побѣдоносныхъ сообщениковъ Христовыхъ злостраданій (см. VII, 13. 14.): такъ какъ Самъ Христосъ, въ Своемъ Евангеліи часто и выразительно говорить о такихъ Своихъ послѣдователяхъ. Наконецъ, понятно, (а послѣ еще болѣе раскроется), почему на зрѣлищѣ свидѣтелей Христовыхъ и явленія Ковчега Завѣта (XI, 16 сл. XIX, 3—12) видны именно старцы, и одни только старцы.—сѣдящіе на престолахъ и славословящіе Бога;—такъ потому, что свидѣтельство Христово и явленіе во храмѣ Ковчега Завѣта составляютъ ни что иное, какъ живое проявленіе и опредѣленіе Христовой истины въ вѣрующихъ и чрезъ вѣрующихъ,—въ какомъ смыслѣ Новозавѣтныя книги и представляются именно въ образѣ старцевъ. Такимъ образомъ всѣ черты старцевъ существенно свойственны книгамъ благодати, взятымъ въ ихъ самостоятельности и вмѣстѣ въ ихъ живой силѣ и дѣйстви.

А между тѣмъ знаменательность 24 старцевъ, по отношенію къ св. книгамъ Новаго Завѣта, открываетъ въ себѣ новую, весьма знаменательную и существенно-важную сторону, если сличить опредѣляемое здѣсь число Новозавѣтныхъ книгъ съ числомъ Ветхозавѣтныхъ. Эти послѣднія, по еврейскому исчисленію, принятому и св. отцами Церкви христіанской, соотвѣтствуютъ числу буквъ еврейскихъ 22. Новозавѣтныя же книги, писанныя уже не на еврейскомъ, какъ ветхозавѣтныя, а на греческомъ, по Откровенію соотвѣтствуютъ числу греческаго алфавита—24. Этимъ Тайнозритель обозначилъ и то, что оригинальный языкъ новозавѣтныхъ книгъ есть греческій; подобно какъ ветхозавѣтныя книги, соотвѣтствуя числу еврейскихъ буквъ, были писаны именно на еврейскомъ языкѣ. Еврейскій языкъ Ветхаго Завѣта указывалъ назначеніе этого Завѣта только для Еврейскаго народа, какъ отдѣленнаго отъ прочихъ народовъ самымъ избраніемъ своимъ; назнаменованный же въ Апокалипсисѣ еллинскій языкъ Новаго Завѣта, чуждый партикуляризма еврейскаго, указываетъ назначеніе этого Завѣта уже для *искупленныхъ изъ всякаго колѣна и языка, и людей, и племенъ*, что 24 старца.

вмѣстѣ съ четырьмя животными, и выражаютъ въ своей торжественной пѣсни (Апок. V, 9).

По опредѣленіи значенія старцевъ и животныхъ вопросъ о взаимной между ними связи, въ какую они поставлены въ Апокалипсисѣ,—разрѣшился уже самъ собою. Тѣ и другіе знаменуютъ то Божественное, всегда дѣйствующее съ животворною силою и властію, устроеніе въ Новозавѣтной Церкви, которое состоитъ въ появленіи Боговдохновенныхъ книгъ Христовой истины и благодати. При семь св. Евангеліе, находясь въ общемъ составѣ Новозавѣтныхъ книгъ, какъ одна изъ нихъ, знаменуется во всѣхъ своихъ четырехъ видахъ особою печатію, какъ проникающее въ самое сосредоточіе любви Божіей, спасающей насъ,—въ личное служеніе Христово, раскрывшееся изъ своихъ основаній по внутреннему плану домостроительства. Согласно съ симъ въ Церкви св. Евангеліе, обыкновенно полагаемое въ общемъ составѣ Новозавѣтныхъ книгъ, всегда отличалось отъ прочихъ особымъ къ нему благоговѣніемъ, какъ самый законъ благодати и основаніе истины Христовой. Замѣчательны въ семь отношеніи слова св. Иринея, ученика Апостольскихъ еще мужей:—„Поелику четыре стороны міра, въ которомъ мы живемъ, и также четыре главныхъ вѣтра. Церковь же распространена по всей землѣ, и имѣетъ свою твердію Евангеліе и (вмѣсто вѣтровъ) Духа жизни: то свойственно ей имѣть и четыре склона тверди, отвсюду дышущіе нетлѣніемъ къ оживленію человѣковъ. Отсюда понятно то, что художникъ всего—Слово, сѣдая на херувимахъ и содержай всяческая, по явленіи своемъ человѣкамъ, далъ имъ Евангеліе въ четырехъ видахъ, но объемлемое единымъ Духомъ“¹⁾.

Прочія принадлежности великаго видѣнія или сами по себѣ удобопонятны, или уже изъяснялись нами при случаяхъ, когда дѣло ихъ касалось.—Посмотримъ на общій порядокъ видѣнія, каковъ онъ оказывается при извѣстности смысла всѣхъ его принадлежностей, и тутъ примѣтимъ глубоко знаменательныя черты,—какъ въ мысленной или созерцательной самостоятельности духовнаго порядка, такъ и въ

¹⁾ С. Haeres. lib. III. c. II. § 8. 9.

приложеніи его къ чину Церкви, устроенному по созерцаемому горнему порядку.

Небесное зрѣлище Новозавѣтной Церкви открывается видѣніемъ въ ея духовной области Самого Тріединнаго Бога. Который является въ Своей открытой намъ спасающей любви, какъ Сѣдѣя на престолѣ.—Отъ сего престола благодати миръ Божій распространяется на покорныхъ и вѣрныхъ, тогда какъ исходятъ громы и молніи казней противъ непокорныхъ. Дары Духа благодати, изливающаяся на вѣрующихъ, горятъ въ Церкви, какъ свѣтильники предъ престоломъ Божиимъ.—Таинственные способы очищенія открыты какъ море, и неомрачимы, какъ кристальное стекло. Книги благодати, выражая въ себѣ созерцанія и изслѣдованія спасающей насъ Божіей любви со всѣхъ ея сторонъ, и притомъ выражая это во всемъ совершенствѣ ея духа и жизни (Фан. VI, 63), а потому назначенныя быть благодатными вождями и первообразами для всѣхъ искупленныхъ,—являются въ семь смыслѣ, какъ сѣдѣящіе вокругъ самага престола благодати и также на престолахъ—старцы (*προβύτεροι*). И изъ этихъ книгъ Четверо-Евангеліе, какъ содержащее въ себѣ евоиственныя развѣ Серафимамъ и Херувимамъ созерцанія—въ самомъ лицѣ Богочеловѣка—внутреннихъ основаній нашего спасенія и самага образа его совершенія, является въ семь смыслѣ—какъ четверица Херувимскихъ животныхъ, находящихся не только вокругъ, но и посреде престола. И притомъ изображая во всей живой истинѣ личное служеніе Того, Кто въ Своемъ лицѣ, есть именно во плоти Самъ Богъ Вседержитель, отъ вѣчности проявляющій въ Себѣ Огня, и носящій всю полноту Святаго Духа,—Четверо-Евангеліе посему представляетъ въ себѣ точно четырехъ Серафимовъ, немолчно славословящихъ Трисвятаго и Вѣчнаго Бога Вседержителя (IV, 5. 8.). Въ соотвѣстствіе тому и вся совокупность книгъ Новозавѣтныхъ, всѣ эти старцы,—изслѣдуя спасающую насъ любовь Божію со всѣхъ сторонъ, торжественно открываютъ о ней, что въ своемъ существѣ она же самая есть и Творческая и промыслительная сила для всего міра,—но въ то же время, по невмѣстительности для челоуѣка такой всеобъемлющей тайны, отнюдь не раскрываютъ того, какъ и въ чемъ дѣло нашего спасенія обнимаетъ всю неизмѣримую для насъ область сотвореннаго

и существующаго. Выразить то же Апокалипсически: *двадцать и четыре старца только падаютъ предъ Сѣдящимъ на престолъ и поклоняются Живущему во вѣки вѣковъ, и полагаютъ вѣнцы своя предъ престоломъ благодати глаголюще только одно: достоинъ еси пріяти славу и честь и силу: яко Ты еси создалъ всяческая, и волю Твою суть, и сотвориши.* Таково значеніе первой стороны разсматриваемаго зрѣлища, въ порядкѣ явленій и дѣйствій, здѣсь изображенныхъ.

Тайна Тріединого Бога Вседержителя, въ своей безотносительности, и тайна творенія и промышленія, въ общихъ своихъ положеніяхъ,—правда—совершенно удостовѣряютъ, что и судьбы Церкви—предметъ заботы и опасеній Христіанства того времени—находятся именно въ рукахъ Самого Вседержителя, Творца и Промыслителя. Но судьбы Церкви составляютъ предметъ недоумѣній именно въ отношеніи къ духовному злу, приражающемуся къ Церкви и даже вторгающемуся въ ея область; а зло нетерпимо Пресвятою Троицею и вошло въ міръ противъ общихъ цѣлей творенія и промышленія; слѣдовательно затрудняющій вѣру вопросъ о судьбахъ Церкви еще не рѣшался успокоительно для вѣры отъ того, что онѣ были въ рукахъ Тріединого Бога—Творца и Промыслителя. И дѣйствительно, Тайнозритель увидѣлъ въ *девянацъ Сѣящаго на престолъ книгу написану внутри иду и внѣ доу, но запечатану семью печатями.* Что эта книга есть именно книга судебъ міра и Церкви, видно изъ того, что по снятіи одной за другою печатей этой книги, открывались послѣдовательно именно судьбы міра и Церкви (см. слѣд. главы). Никому изъ сотворенныхъ существъ и не было возможности снять съ этой книги печати ея—удовлетворительно и успокоительно касательно участи міра и Церкви: ибо для этого требовалось побѣдить духовное зло; но чистыя существа неба сами по себѣ отвращаются отъ ада,—земной міръ лежитъ въ этомъ злѣ,—отходящіе въ преисподнюю суть сами по себѣ связанные навсегда, плѣнники и жертвы зла. И дѣйствительно, Тайнозритель видѣлъ *Ангела крѣпка проповѣдующаго гласомъ великимъ: кто есть достоинъ разгнати книгу, и разрѣшити печати ея. И никтоже можаше ни на небеси, ни на земли, ниже подъ землею разгнати книгу, ниже зрѣти ю.*

Что вопросъ о судьбѣ человѣчества въ отношеніи къ ду-

ховному злу міра, заданный изъ горняго міра, дѣйстви- тельно, носился на землѣ въ Апостольское время, и слы- шень былъ *имѣющими уши слышать*, — это до очевидности ясно изъ оказавшагося повсюду сочувствія къ благовѣстію о спасеніи отъ духовнаго зла; крайнее развитіе въ мірѣ сего зла и вмѣстѣ значительное раскрытіе умственныхъ силъ человѣческихъ давало потребный случай и удобство крѣпкому Ангелу проповѣдовать этотъ вопросъ гласомъ великимъ. Но какъ и въ чемъ тотъ же самый вопросъ раз- давался и на небѣ, и въ области подземной, какой къ тому былъ случай и удобство, — все это пока непостижимая для насъ тайна: касательно отношенія тайны спасенія ко всей сово- купности всяческихъ, сами, данные намъ отъ Святаго Духа, вожди и руководители нашей вѣры — двадцать четыре старца — полагаютъ вѣнцы свои предъ престоломъ благодати, испо- вѣдуя предъ Благодателемъ одно это: *достоинъ еси Господи, пріяти славу, честь и силу*. Тайнозрителю открыто только одно, что и на небѣ, и на землѣ, и подъ землею *никтоже можаше разгнати книгу, ниже зрѣти ю*. — Посему понятно, что сердечная забота о судьбѣ вѣрующихъ должна была тѣмъ живѣе возбудиться въ любвеобильномъ Іоаннѣ: *и азъ, говоритъ онъ, плакахся много, яко ни единъ обрѣтеша достоинъ разгнати и прочести книгу, ниже зрѣти ю*.

Итакъ требовалось, чтобы на престолѣ благодати явилась и самая жертва благодати, на которой проявило свою смерто- ность и чрезъ то ниспроверглось въ самомъ своемъ основа- ній зло. Тайственный представитель духа и силы св. Четверо- Евангелія ¹⁾, раскрывающаго все это крестоносное Христово- дѣло — въ успокоеніе Іоанна Богослова и поспѣшаетъ указать царственную и побѣдоносную жертву изъ колѣна Іудова, Дави- дову отрасль, притомъ, подобно корню, сообщавшую жизнен- ность самому Давиду и его дому: *и единъ отъ старецъ глагола ми: не плачися, се побѣдилъ естъ Левъ, иже Сый отъ колѣна Іу- дова, корень Давидовъ, разгнати книгу и разрѣшити семь пе- чатей ея*. И сейчасъ за симъ является Сама эта Боже- жественная жертва — въ томъ видѣ, который показываетъ

¹⁾ Выше уже съ достаточною обстоятельностью изъяснено это значеніе *единаго отъ старецъ*. Смотри общее наследованіе о старцахъ гл. IV.

отяготѣвшее на ней смертоносное зло, за то всюду на землѣ преслѣдуемое и истребляемое Божественною животворною силою Его Святаго Духа: *и видѣхъ* продолжаетъ Тайнозритель, *и се посредь престола и четырехъ животныхъ и посредь старецъ Агнецъ стоящъ, яко заколенъ, имущъ роговъ семь и очесъ семь, еже есть семь духовъ Божіихъ, посланныхъ во всю землю. Рога и очи: очи*—органы созерцанія,—*рога*—орудія противоборной силы; поэтому въ отношеніи къ благодати Св. Духа, во Христѣ открытой, *рога* даютъ мысль о семи способахъ благодатной жизни, противопоставленныхъ грѣхности человѣка и вообще духовному злу, каковы семь святыхъ таинствъ, а *очи* указываютъ на семь даровъ Св. Духа, въ которыхъ Христова благодать точно озираетъ міръ, успокоиваясь въ приѣмлющихъ и вѣрныхъ, и отвращаясь отъ невѣрныхъ и противящихся.

И такъ какъ Агнцемъ, вземлющимъ грѣхи (міра) и закланнымъ за спасеніе міра, упраздняются самыя основанія губительнаго зла, то всѣ судьбы спасаемаго человѣчества на Немъ и сосредоточиваются: *и прииде, и пріятъ книгу отъ десницы Сядящаго на престолѣ.*

И извѣстные намъ живые, хотя только мысленные, созерцатели спасающей любви Божіей,—какъ въ ея средоточіи, такъ и со всѣхъ ея сторонъ,—отъ лица всего искупленнаго человѣчества единогласно и торжественно возвѣщаютъ во славу Божественнаго Агнца, что Онъ, на Себя взявшій и въ Себѣ побѣдившій всякое зло, въ какихъ бы видахъ оно ни раскрывалось во всѣ времена,—по всей истинѣ владѣетъ тайною всѣхъ судебъ, и что эти судьбы, каковы бы ни были, ведутъ непремѣнно къ торжеству надъ міромъ христіанъ, содѣлавшихся во Христѣ обладателями сокровищъ вседержавной благодати и благопріятными служителями Отца Небеснаго, кратко—*царями и іереями Богови*. Ѡмніамъ молитвъ, возжигаемый въ святыхъ этими дѣйственными изобразителями Новаго Завѣта, и духовные звуки, извлекаемые ими же изъ гуслей вѣрующихъ сердець, соединяются съ общимъ ихъ радостнымъ и глубочайше-благоговѣйнымъ славословіемъ Агнцу. Таково значеніе этого видѣнія: *и егда пріятъ книгу Агнецъ, четыре животна и двадесять четыре старца падоша предъ Агнцемъ, имуще кійждо гусли и фіалы златы, полны оуміама, иже суть молитвы святыхъ: и поютъ пѣсны*

нову (и по содержанію новую противъ прежней, и особенно новую по торжественности и единогласію) глаголюще: *достоинъ еси пріяти книгу, и отверсти печати ея: яко заклался, и иезупилъ еси Богови насъ кровію Своею отъ всякаго колѣна, и языки, и людей, и племенъ, и сотворилъ еси насъ Богови нашему царю и іерее: и воцаримся на земли.* Дѣйствительно, какъ въ Четверо-Евангеліи, такъ и во всѣхъ Новозавѣтныхъ книгахъ эта пѣснь радостная и благоговѣйная слышится повсюду на все времяна, какъ пѣснь всего искупленнаго человѣчества, носящаго на скрижаляхъ сердца этотъ Новый Завѣтъ.

Но такъ какъ по свидѣтельству Апостола Павла, *и вси служебніи души въ служеніе посылаемы за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. I, 14), то тьмы темъ и тысящи тысящъ сихъ безплотныхъ блюстителей и стражей Церкви и каждаго изъ вѣрующихъ также выражаютъ во славу Агнца свой восторгъ о спасеніи людей и Церкви,—глаголюще гласомъ великимъ, конечно, свойственнымъ ихъ духовности образомъ: *достоинъ есть Агнецъ заколенный пріяти силу, и богатство, и премудрость, и крѣпость, и честь, и славу, и благословеніе* (V, 12).

Такъ какъ, наконецъ, спасающая насъ въ Семь Агнцѣ-любовь Божія, есть, въ существѣ своемъ, та любовь Отца Небеснаго, которая почиваетъ въ Единородномъ, простираясь въ Немъ на всю совокупность міра—черезъ самое его сотвореніе и храненіе: то спасеніе людей необходимо должно отозваться на всей совокупности созданій. Черезъ закланіе Божественнаго Агнца, который вмѣстѣ есть и Вседержитель,—слава Божія должна отразиться на всемъ мірѣ, въ иныхъ сознательно и съ свободнымъ соотвѣтствіемъ, въ другихъ—безотчетно, въ исконныхъ врагахъ Божіихъ—черезъ свойственный имъ невольный трепеть, въ неразумныхъ созданійхъ—безсознательно. Да и всѣ и каждое изъ созданій составляютъ осуществленіе и выраженіе мысли и воли Божіей, воззавшей ихъ къ бытію съ обреченіемъ уже отъ сложенія міра Агнца Божія на закланіе за міръ. И такимъ образомъ *всяко созданіе, еже есть, на небеси, и на земли, и подъ землею, и на мори, яже суть, и сущая въ нихъ, вся слышатъ, говоритъ столь великій Тайнозритель, самымъ бытіемъ и судбою своею глаголющія: Сядице му на престолѣ и Агнцу благословеніе, и честь, и слава, и держава во вѣки стоклоно.* Святое Четверо-Евангеліе,—эти Херувимскія животныя,—

входящія въ самое средоточіе любви Божіей, раскрывающіеся въ спасеніи нашемъ, съ рѣшительностію слова Божія, подтверждаютъ такое всемірное славословіе: *и четыре животны глаголаху: аминь.* И всѣ вообще книги благодати и истины Христовой покрываютъ глубоко-благоговѣйнымъ безмолвіемъ безконечно-разнообразныя частныя приложенія тайны Христовой въ продолженіи времени и вѣчности: *и четыре животна глаголаху: аминь: и двадцать и четыре старцы падоша, и поклонишася Живущему во вѣки вѣковъ.* Таковъ порядокъ видѣнія и на другой сторонѣ зрѣлица.

Отъ этого небеснаго порядка видѣнія, обращая взоры къ чину Апостольской Церкви, къ которой видѣніе относится,—къ радости вѣры можемъ видѣть, что въ послѣднемъ, т. е. въ чинѣ Апостольской Церкви точно выраженъ и какъ бы воплощенъ порядокъ небеснаго видѣнія. Такъ и для такого выспрежняго созерцателя, каковъ Іоаннъ Богословъ, мысленный порядокъ небеснаго видѣнія открылся чрезъ внѣшнія знаменательныя явленія: по сему самому закону благодатный духъ того же видѣнія, относящагося къ Апостольской Церкви, выражается во внѣшнихъ знаменательныхъ дѣйствіяхъ и предметахъ чина Церкви. И во первыхъ, какъ область, представляющая новозавѣтную Церковь, открылась не на землѣ, а на небеси; то еще Апостолы отдѣляли отъ жилищъ и другихъ обыкновенныхъ мѣстъ святое мѣсто церкви Божіей, *стояще на которомъ, на небеси стояти мнѣмъ,—да дождовъ не имате, во еже ясти и пити,* говоритъ Апостолъ, обличая безпорядки въ мѣстѣ церкви Божіей, — *или о церкви Божіей не радите?* (I Кор. XI, 22).—Изъ первоначальной христіанской древности идетъ то церковное устройство, что въ освященномъ мѣстѣ церкви Божіей—стоитъ трапеза—престолъ Вседержителя и Агнца. *Свѣтильникъ* представляется при семъ престолѣ; въ первоначальныхъ христіанскихъ храмахъ занимали особую часть или пристройку—крещальни, какъ нынѣ замѣняются онѣ простыми купелями:—то и другое, очевидно, взято съ небеснаго образа *седми бужель Воссияхъ*, горящихъ предъ престоломъ въ видѣ свѣтнѣйшихъ, и *моря* изъ кристалловиднаго стекла. Жерувимскія животныя—Четверо-Евангеліе,—особо отъ другихъ св. книгъ, *возмачетон посредъ престола* благодати, какъ и носимо *бываетъ окрестъ престола.* Равно и эти мысленныя личности

или *пресвітеры*, выражающіе въ себѣ откровеніе Христовой истины,—какъ бы воплощаются въ избранныхъ освященныхъ лицахъ, которыя имѣютъ самое священное назначеніе носить законъ Божественной истины *во устахъ своихъ* (Мал. II, 6) и суть вожди и предстоятели Церкви, а притомъ въ Апостольскія времена, вмѣстѣ и съ епископами, назывались *пресвітеры* (пресвитеры) (Дѣян. XX, 17 сл. 28). Всѣ такіе освященные представители Церкви находятся *около престола*, то славословя Бога Вседержителя и Агнца и покланяясь предъ Ними, то даже и возсѣдая около престола, всегда подчиняясь единому главенству Самого Вседержителя и Агнца. Съ другой стороны, какъ Апокалипсическіе старцы не всѣ равны по своему отношенію къ истинѣ и и благодати, но одинъ изъ нихъ представляетъ даже книгу о жизни и служеніи Самого Христа: такъ по образу этихъ мысленныхъ пресвитеровъ (въ общемъ смыслѣ слова, подобно какъ употребляется оно въ Новомъ Завѣтѣ), состоя наибольшую частію изъ священниковъ разныхъ духовныхъ достоинствъ, имѣетъ и такую степень, на которой стоящій представляетъ для Церкви образъ самого Небеснаго Архiereя,—таковъ собственно Епископъ. Само собою разумѣется, что уже на всемірномъ судѣ раскроется, кто изъ церковныхъ предстоятелей есть истинный носитель Новозавѣтнаго закона Божія. „Истинный пресвитеръ (старецъ) говоритъ Климентъ Александрійскій (Strom, lib. pag. 667) хотя бы здѣсь и не былъ почтенъ первосѣданіемъ, сядетъ нѣкогда въ мѣстѣ съ другими на двадцати четырехъ престолахъ и будетъ судить міръ, какъ говоритъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ.“ Наконецъ самый порядокъ дѣйствій Апокалипсическихъ пресвитеровъ, очевидно, есть первообразъ существенныхъ пресвитерскихъ и епископскихъ дѣйствій въ самомъ существенномъ и главномъ Богослуженіи.—По Апокалипсису старцы, преклоняясь предъ Сѣдящимъ на престолѣ Вседержителемъ глаголютъ: *Достойнъ еси Господи пріяти славу и честь и проч. яко Ты еси создалъ всяческая...* И это глаголютъ они въ отвѣтствіе славословію Херувимскихъ и Серафимскихъ животныхъ, которыя даже и покой и день и ночь не имѣютъ въ такомъ славословіи: *святъ, святъ, святъ Господь Богъ. Вседержитель.* Такъ точно пресвитеры церковные существенную часть литургіи начинаютъ такую молитвою: *достойно и пра-*

ведно Тя *пѣти*, Тя *благословити* и проч. и славя Трїединого Творца и Промыслителя, восходятъ къ побѣдной пѣсни серафимовъ и херувимовъ: *Святъ, Святъ, Святъ Господь...* Далѣе по Апокалипсису *является на престолѣ Самый Агнецъ, яко заколенъ, и пресвѣтеры или старцы поклоняются Ему, славослова Его отъ лица всей Церкви искупленныхъ, при соотвѣтственномъ славословіи всего міра—духовнаго и вещественнаго. И въ храмѣ на престолѣ благодати, при посредствѣ священнодѣйствія пресвитерскаго, является истинный Агнецъ яко заколенъ—въ истинномъ тѣлѣ (называемомъ Агнцемъ) и въ истинной крови Христовой: и пресвитеры, предъ симъ заколеннымъ Агнцемъ, преклоняются, принося словесную сію службу о Праотцѣхъ, Отцѣхъ... Пророцѣхъ, Апостолѣхъ, о самой честнѣйшей ветвѣ Ангеловъ Богоматери, входя такимъ образомъ въ общеніе славословія со всею небесною Церковію,—молясь о вселеннѣй, о святѣй церкви, о властѣхъ, городахъ, селеніяхъ и т. д., на все низводя спасительное вліяніе Божественной жертвы.—Посему Церковь и предназначаетъ эту часть литургіи внушеніемъ своимъ чадамъ, что предъ ними и въ нихъ откроется именно это таинственное зрѣлище—Херувимовъ, воспѣвающихъ трисвятую пѣснь Животворящей Троицѣ, и явленія Самого Агнца, дориносимаго Ангельскими чинами.*

Вотъ что дано было Іоанну созерцать на небѣ, какъ *подобное быть* въ Апостольской Церкви. Большая часть принадлежностей и главное въ чинѣ Церкви, конечно, уже и были тогда. Но изъ животныхъ не доставало еще, надобно думать, орла летящаго—Евангелія Іоаннова; въ сонмѣ старцевъ не доставало еще самого Апокалипсиса, и вѣроятно, двухъ послѣднихъ посланій Іоанновыхъ и посланія Іуды. Могли еще не образоваться и другіе виды церковнаго чина, или еще не могли иные всюду въ Церкви распространиться и утвердиться. Іоанну дано было видѣть, въ какомъ оконченомъ видѣ и устройствѣ, по всему существенному,—Новозавѣтная Церковь имѣла остаться послѣ всѣхъ Апостоловъ, дабы никогда не измѣниться въ этой существенной своей апостольской формѣ.—Эта непреходящая и существенная форма Церкви вся развита изъ духа всеобъемлющей любви Божіей и вземлющей грѣхи міра любви Агнчей.

Послѣ небеснаго зрѣлища Апостольской Церкви представ-

ляются (гл. VI) совершенно противоположныя явленія, хотя происходящія по открытому суду Сѣдящаго на престолѣ Вседержителя и Агнца.— Тамъ открывается небесная область благодати, являющейся во всемъ своемъ свѣтѣ; здѣсь проявляется столь грозный гнѣвъ Вседержителя и Агнца, что даже видѣнь самый адъ (ст. 8) и небо отлучися, яко свитокъ свиваемо (14) и люди всѣхъ состояній въ отчаяніи вопіють горимъ и каменію: падите на ны, и покрыйте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнца (15—16). Столь грозный гнѣвъ Божій поражаетъ свои жертвы не вдругъ всѣми ужасами, но постепенно,—согвѣтственно тому, какъ Агнецъ снималъ печати съ книги судебъ, имже подобаетъ быти. И во первыхъ, со снятіемъ отъ Агнца первой изъ семи печатей, воззванный къ созерцанію громовымъ гласомъ одного изъ таинственныхъ животныхъ—Тайнозритель видитъ вооруженнаго и побѣдоноснаго всадника на бѣломъ конѣ, имѣющаго назначеніе только побѣдить,—побѣдить, конечно, тѣхъ, о наказаніи которыхъ здѣсь открывается. Далѣе, со снятіемъ второй печати, возбужденный гласомъ другаго животнаго, Іоаннъ видитъ новаго всадника на рыжемъ конѣ, назначеннаго наказатъ ихъ внутренними распрями и кровопролитнымъ междоусобіемъ. По снятіи третьей печати и по воззванію третьяго животнаго, Тайнозритель видитъ всадника на ворономъ конѣ, назначеннаго лишитъ наказуемыхъ довольства въ самой пищѣ, хотя съ сохраненіемъ для нихъ средствъ къ роскоши, ни къ чему не служащихъ голоднымъ. Далѣе—по вскрытіи четвертой печати, по гласу четвертаго животнаго, Тайнозритель увидѣлъ самую смерть, въ видѣ всадника же на блѣдномъ конѣ, и слѣдующій за нею адъ; четвертая часть земли должна умереть отъ меча, глада, мора, и звѣрей. По снятіи Агнцемъ пятой печати, раздался великій гласъ избѣненныхъ за слово Божіе, требующихъ рѣшительнаго суда на незаконныхъ за пролитую ими кровь и успокоиваемыхъ только для дополненія числа такихъ же подвижниковъ вѣры. За симъ вскрывается шестая печать и представляются грозные виды какъ бы уже наступившей кончины міра и готоваго открытѣя страшнаго суда: солнце помрачилось, звѣзды попадали, небо скрылось; цари, вельможи и проч. въ трепетѣ предъ Вседержителемъ и Агнцемъ сознали, что *приде великій день гнѣва Его и кто можетъ стати?...*

Какъ ни много представляется здѣсь указаній на тотъ великій день, когда послѣдуетъ кончина міра и откроется страшный судъ, но не этотъ послѣдній день міра, съ предшествующими ему обстоятельствами, изображается въ настоящемъ откровеніи. Это видно изъ того, во-первыхъ, что въ этомъ же откровеніи души святыхъ, требовавшія рѣшительнаго суда надъ нечестивыми, остаются еще въ ожиданіи такого конечнаго торжества правды надъ неправдою. *Да почиють еще*, сказано о нихъ.. *дондеже скончаются и клеветы ихъ и братія ихъ, имущи избѣгнн быти, якоже и тѣи* (VI, 11). Но эти клеветы *приходящіе отъ великой скорби*, представляются (VII, 9—14) ниже изображенія тѣхъ явленій, какъ помрачилось солнце, попадали звѣзды, небо свилось въ свитокъ (VI, 12—14) и проч.; о *терпѣніи святыхъ* упоминается не одинъ разъ еще и ниже (XIII, 10. XIV, 12). И во-вторыхъ, то же видно изъ того, что въ послѣдующихъ откровеніяхъ представляется еще продолженіе настоящаго порядка вещей въ мірѣ и Церкви. Далѣе, напр., являются опять и солнце и звѣзды, то съ ослабленіемъ ихъ свѣта (VIII, 12), то напротивъ съ чрезвычайнымъ усиленіемъ солнечнаго зноя (XVI, 8. 9). Черты же, взятыя съ кончины міра и страшнаго суда, показываютъ только то, что правда Божія, имѣющая вполне раскрыться уже на страшномъ судѣ, поразительнымъ образомъ будетъ предъявлена міру и ощутима вѣрѣ и въ тѣхъ событіяхъ, какія изображены въ настоящемъ откровеніи. По—связи настоящаго откровенія съ выше раскрытымъ, можно угадывать, что здѣсь представляются событія Апостольскаго времени. Впрочемъ, положительно вѣрнаго ключа къ разрѣшенію всей задачи этого откровенія надо бы искать въ Четверо-Евангеліи, такъ какъ эти Херувимскія животныя и возывали Тайнозрителя къ видѣнію явленій гнѣва Божія,— какъ выше указано. Въ Евангеліи дѣйствительно есть Христовы предреченія или всевластныя опредѣленія о такихъ событіяхъ, которыя поставлены въ связи съ кончиною міра и страшнымъ всемірнымъ судомъ, но произошли еще въ Апостольское время. Это суть предреченія о разрушеніи Іерусалима и о другихъ бѣдствіяхъ, какія должны были постигнуть Іудеевъ за противленіе ихъ Христу. При сличеніи такого Христова суда надъ Іудеями, изображеннаго въ Евангеліи, съ Апокалипсическимъ видѣніемъ—видны въ томъ и другомъ

однѣ и тѣ же существенныя черты. Такъ Христосъ предрекъ или властительно опредѣлилъ, что въ Иерусалимѣ не останется камень на камени, указывалъ на войны и военные слухи (Мат. XXIV, 6), на мятежи (Мар. XIII, 8), глады и пагубы (Лук. XXI, 11) и вообще на такую всегубительную скорбь, что, при большемъ продолженіи ея дней, не спаслась бы *всяка плоть* (Мат. XXIV, 22), ибо тогда имѣла отмститься *всяка кровь праведна проливаемая на земли* (Мат. XXIII, 35 сл. Лук. XXI, 22). *Абѣ же по скорби днѣи тѣхъ*, глаголетъ Господь, *солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе* (XXIV, 29).—То же самое было явлено въ видѣніи Іоанна. Послѣ указаній символами на военныя вооруженія и кровопролитныя междоусобія (Апок. VI, 2, 4), на недостатки жизненныхъ способовъ (6 ст.), на пагубы отъ меча, голода и проч., на всегубительство смерти и ада (8 ст.) и на вопль убиенныхъ за слово Божіе объ отмщеніи за ихъ кровь (9, 10), вотъ что слѣдуетъ по откровенію: *солнце мрачно бысть... луна бысть яко кровь; и звѣзды небесныя падоша на землю* (12 и 13).—*Се днѣи грядутъ*, такъ изрекъ Господь дочерямъ Иерусалимскимъ, предрекая грозящія Іудейскому народу казни, — *тогда начнутъ глаголати гораѣ: падите на ны; и холмомъ: покройте ны* (Лук. XXIII, 29—30).—То же самое видѣлъ и въ такихъ же словахъ выразилъ и Іоаннъ: *и глаголаша гораѣ и каменію: падите на ны и покройте ны* (Апок. VI, 16).—Итакъ настоящее апокалипсическое видѣніе гнѣва Божія относится къ Іудеямъ, — и именно къ тѣмъ ихъ казнямъ, какія предречены или опредѣлены имъ были отъ Самого Господа Іисуса Христа. Такова общая мысль явленій гнѣва, видѣнныхъ Тайнозрителемъ.

Для окончательнаго и полнаго раскрытія и оправданія смысла настоящаго видѣнія, рассмотримъ въ этомъ видѣніи каждое изъ пророчесственныхъ явленій въ особенности и сличимъ съ самими событіями.

И, видѣхъ, говоритъ Тайнозритель, *егда отверзе Агнецъ едину отъ седми печатей и слышахъ единого отъ животныхъ глаголюща яко гласъ громный: гряди и виждь*. Тѣмъ, что Самъ Агнецъ открывалъ или снималъ печати съ книги судебъ, внушается вѣрѣ разсматривать грозный судъ Божій надъ Іудеями съ благоговѣнною и вмѣстѣ чловѣколюбивою осторожностію. Съ одной стороны вѣра должна съ благоговѣніемъ имѣть

въ виду, что Агнецъ Божій, взявшаи грѣхи міра, чрезъ это не даетъ грѣшникамъ, и въ самой ихъ мятежности противъ Бога, никакой возможности выходить изъ-подъ Его державы и претивостоять Ему; такъ какъ и бремя самой ихъ мятежности подъято Имъ на Себя Самого, и потому они, въ самой своей мятежности, схвачены Имъ, такъ сказать, въ неизбѣжимую ими власть, какъ плѣнники. Вотъ почему такъ страшно безвыходенъ для мятежныхъ Іудеевъ гнѣвъ отринутаго ими Агнца (см. 16 и 17 ст.)! Но съ другой стороны, вѣра не можетъ не согласиться, что, когда Господь открываетъ Свой судъ надъ Іудеями, еще какъ Агнецъ, то этотъ судъ есть еще, видно, судъ благодати, не окончательно отвергающей, а взыскующей судимыхъ чрезъ самую свою грозность. И дѣйствительно слово Божіе признаетъ невѣрующихъ Іудеевъ не только *врагами*, но и *возлюбленными* Божіими *ради отцевъ* (Рим. XI, 28). Изслѣдуя обстоятельства, въ которыхъ данъ Апокалипсисъ, мы видѣли, что въ отношеніи къ Іудеямъ, не мало затемнялось для вѣры положеніе и судьба Церкви Христовой. Пока цѣлы были священные памятники и учрежденія Теоократіи, надменная и мятежная Агарь—Синагога какъ бы пребывала еще въ дому Авраамовомъ, и тѣмъ дерзостнѣе оспаривала у *свободныхъ*, т. е., Христовой Церкви права на духовное наслѣдіе. Христовъ приговоръ Іудейству, соединяя разрушеніе его памятниковъ съ кончиною міра, по извѣстнымъ причинамъ ¹⁾, не устранялъ, а даже готовилъ новое затрудненіе для вѣры, когда съ казнями Іудеевъ совпадала не кончина міра, а еще только начало христіанскаго міра—въ его совершенной независимости отъ ветхозавѣтнаго. Посему настоящее откровеніе, которымъ изъяснялось, какимъ образомъ приговоръ Христовъ долженъ былъ совершиться надъ Іудеями,—проливало потребный для вѣры свѣтъ на положеніе и судьбу Церкви. И вотъ почему съ каждымъ явленіемъ настоящаго символическаго откровенія соединено снятіе Агнцемъ одной изъ печатей книги судьбы: каждое изъ этихъ явленій служило къ разрѣшенію задачи, какую тогда составляло для вѣры Іудейство съ своими Теоократическими памятниками и учре-

¹⁾ См. разъясненіе этихъ причинъ въ моей книгѣ „о Новомъ Завѣтѣ Господа нашего І. Хр.“.

жденіями. Четверо-Евангеліе, содержащее Христовъ приговоръ Іудейству, въ отношеніи къ тѣмъ событіямъ, въ которыхъ долженъ былъ исполниться этотъ приговоръ, само по себѣ должно было какъ бы такъ говорить вѣрѣ: „вотъ смотри, какъ точно и непреложно долженъ исполниться Христовъ приговоръ надъ Іудеями“. Въ Апокалипсическомъ видѣніи эти Херувимскія животныя открыто говорятъ тоже Тайнозрителю: *гряди и виждь*. Такія воззванія умѣстны были и въ томъ отношеніи, что предреченія Христовы о казняхъ надъ Іудеями готовы были и начали отчасти уже сбываться. *Приди и виждь*: такъ выражается приглашеніе посмотреть на то, что уже есть на лицо и доступно опытному, осязательному дознанію (Іоан. I, 39. 46). Безъ сомнѣнія, не безъ причины такія воззванія къ Тайнозрителю были въ отдѣльности отъ каждаго изъ этихъ таинственныхъ животныхъ, и притомъ въ отношеніи только къ первымъ четыремъ явленіямъ символическаго откровенія объ Іудеяхъ. Причиною этого, какъ увидимъ далѣе, было то, что кромѣ общаго приложенія Евангельскаго приговора объ Іудеяхъ ко всѣмъ ихъ казнямъ, каждое изъ Евангелій имѣло особое значеніе по отношенію къ нѣкоторымъ изъ сихъ казней. Касательно перваго символическаго явленія казни Іудеевъ, воззваніе къ Тайнозрителю: *гряди и виждь*, сдѣлано было единымъ отъ животныхъ (*ἕνός ἐκ τῶν τεσσάρων ζώων*). Такъ какъ далѣе указываются *второе* и *третье* и *четвертое* животныя, изъ которыхъ каждое, подъ своимъ числомъ, опредѣлено было выше (въ IV гл.) по самому виду своему: (второе животное *подобно телюцу*, третье—*имущее лице яко чловѣтка*, четвертое *подобно орлу летящу*): то въ отличіе отъ нихъ такъ названное *едино отъ четырехъ животныхъ* есть то, которое выше (въ томъ же 7 ст. IV гл.) представлено *первымъ* животнымъ. А это таинственное животное подобно льву и изображаетъ въ себѣ Евангеліе Матѳея, какъ нами уже было разъяснено. Названо оно въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ *единымъ*, а не *первымъ*, потому, что въ Четверо-Евангеліи одно Матѳеево, какъ писанное для вѣрующихъ Іудеевъ въ утвержденіе ихъ вѣры и въ посрамленіе невѣрія наибольшей части изъ сего народа, съ особенною предъ другими Евангеліями силою выражаетъ обличеніе и судъ Христовъ надъ невѣрующими Іудеями: *слышахъ едино отъ четырехъ животныхъ, глаголюще якоже*

гласъ громный. Особенное же значеніе этого громоваго гласа въ отношеніи къ первому явленію казни откроется по изъясненію всего этого символическаго явленія.

И видѣхъ, и се конь бѣлый, и сѣдѣй на немъ имѣяше лукъ, и дань ему бысть вѣнецъ, и изыде побѣждаѣй, и да побѣдитъ. Въ видѣ коней, по видѣнію Пророка Захаріи, являлись нѣкоторыя духовныя силы, посылаемыя свыше съ назначеніемъ озирать землю или разныя ея страны и исполнять Божіи о нихъ опредѣленія (Зах. I, 8—11. VI. 1—8): въ настоящемъ апокалипсическомъ видѣніи кони несутъ на себѣ всадниковъ, и слѣдовательно оказываются духовными силами, только споспѣшествующими другимъ духовнымъ таинственнымъ дѣятелямъ, несущимся на нихъ, какъ на коняхъ. Самый цвѣтъ этихъ духовныхъ коней имѣетъ знаменательное значеніе, какъ видно особенно изъ дальнѣйшихъ явленій. *Бѣлый конь*, судя по такому чистому и свѣтлому цвѣту и въ особенности потому, что далѣе въ Апокалипсисѣ на бѣломъ же конѣ является *Самъ вѣрный и истинный, правосудный и воинственный Царь царей* (XIX, 11. 16), справедливо принять за символъ и славы и правоты настоящаго всадника или его дѣла: *И сѣдѣй на немъ имѣяше лукъ*: знакъ не только военнаго, но и быстрого (какъ стрѣла изъ лука) дѣйствованія всадника. *И дань ему бысть вѣнецъ*: знаменіе не только побѣды, на которую далѣе прямо указано, но и царской власти. *Изыде побѣждаѣй, и да побѣдитъ*: такъ какъ дѣло идетъ, во всемъ настоящемъ видѣніи о казняхъ Іудеямъ, то разумѣются здѣсь побѣды и въ настоящемъ, и будущемъ надъ ними же. Общій смыслъ видѣнія выходитъ тотъ, что, по устроенію и споспѣствованію собственно со стороны духовныхъ силъ и дѣятелей, имѣли совершиться побѣды надъ Іудеями, запечатлѣнная славою и правотою, принадлежащія именно властительности царской. Соображая это съ самими событіями, нельзя не поражиться точностію пророчества. Дѣло Римлянъ противъ Іудеевъ, представляя вообще зрѣлище страшнаго гнѣва небеснаго на избранный нѣкогда и ставшій Богоборнымъ народъ; и притомъ раскрывшагося еще въ Апостольскомъ вѣкѣ (къ концу седмидесятилѣтія по Рождествѣ Христовѣ), — ознаменовано, дѣйствительно, сколько славою римскаго оружія, столько и правотою имперіи противъ Іудеевъ, какъ мятежниковъ. Веспасіанъ и сынъ его Титъ, совершители этого великаго дѣла,

также известны сколько доблестями воинскими и правительственными, столько и правдивым личным характером; особенно Титъ, которому назначено доверить все это дѣло съ Иудеями, отличался живым вниманіемъ къ правамъ и волямъ человечества. Дѣйствія воинскія противъ Иудейскаго мятежа открылись, послѣ скорого приготовленія, съ быстротою. Получивъ назначеніе смирить мятежниковъ, „Веспасіанъ, скажемъ словами Исторіи Иудеевъ Капефига (стр. 113), хотѣлъ заставить врасплохъ Евреевъ, такъ, чтобы они, не успѣвъ сообразить плана своего возстанія, не могли устоять противъ дружнаго нападенія легионовъ. Онъ приказалъ своему сыну Титу и Траяну (начальникамъ легионовъ, находящихся въ Египтѣ), выступивъ изъ Александріи, скорымъ маршемъ идти къ Иудеѣ; то же самое приказаніе было дано и сирійскимъ войскамъ. Самъ Веспасіанъ не замедлилъ тоже отправиться въ Палестину“. Война началась съ Галилеи. Веспасіанъ еще въ Британіи и Германіи стяжавъ своими подвигами триумфъ, успѣлъ покорить Галилею, несмотря на фанатическое мужество мятежниковъ; онъ побѣдоносно вступилъ уже въ собственную Иудею, по овладѣніи всѣми крѣпкими пунктами на дорогѣ (см. Истор. Лоренца т. II. стр. 22). Смерть Нерона, послѣдней отрасли Цезарева дома, остановила дѣйствія Веспасіана, впрочемъ, затѣмъ только, чтобы послѣ нѣкоторыхъ смятеній въ Имперіи,—назначенные противъ Иудеевъ легионы провозгласили своего побѣдоноснаго военачальника Римскимъ Императоромъ. И такимъ образомъ въ дѣлѣ съ Иудеями достался ему *вънецъ* не только побѣды, но и верховной власти. Такой же *вънецъ* увѣнчалъ въ послѣдствіи и Тита — продолжателя и довершителя войны съ Иудеями. Столь точно оправдалось во всѣхъ своихъ чертахъ, это апокалипсическое видѣніе *на блгомъ конѣ всадника, имѣвшаго лукъ, емуже данъ бысть вънецъ*.

Но какой для вѣры свѣтъ проливался чрезъ такое явленіе, оправдавшееся такими событіями?—Иудеи мечтали о гражданской свободѣ, избавленіи отъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, о всемірномъ внѣшнемъ владычествѣ обѣтованнаго имъ царя изъ колѣна Иудова, изъ дому Давидова. Воспламененные этими мечтами, они и подняли мятежъ противъ Римлянъ. Но вотъ царственный *Левъ отъ Иуды*, обѣтованный потомокъ Давида—приходилъ въ Свое царство со всѣми знаками Своего

духовнаго и Божественнаго достоинства, однако не былъ. принять Своими подданными и за то осудилъ и отвергъ ихъ, какъ все это съ особенною силою изображено въ первомъ Евангеліи (отъ Матѳея). Царственное надъ всѣми царями достоинство такого Божеств. *Льва отъ Іуды* и непреклонность царственнаго Его приговора на мятежниковъ торжественнымъ и видимымъ образомъ оправдывались тѣмъ, что мечтатели, какъ мятежники, наказаны и гражданскою властію, что назначается противъ нихъ облеченный въ могущество, правоту и царственную славу даже язычникъ. Посему-то въ отношеніи къ такимъ событіямъ, уже начавшимся около времени откровенія апокалипсическихъ видѣній, херувимскій Левъ, изображающій первое Евангеліе, и говоритъ Тайнозрителю громовымъ голосомъ: *гряди и виждь*. Смотри, какъ царственно и величественно исполняется приговоръ Льва отъ Іуды! *Левъ возреветъ и кто не убоится*, (Амос. III, 8) говоритъ пророкъ противъ Израиля же.

Второе явленіе такъ изображаетъ Тайнозритель: *и егда отверзе другую печать, слышахъ второе животно глаголющее: гряди и виждь. И изыде другій конь рыжъ: и сѣдѣщему на немъ дано бысть взяти миръ отъ земли, и да убіютъ другъ друга: и данъ бысть ему мечъ великій*. Не будемъ останавливаться на чертахъ видѣнія, общихъ съ предыдущимъ, а возьмемъ во вниманіе только неизъясненныя еще особенности настоящаго видѣнія. Кровавый видъ коня, вооруженіе всадника большимъ мечемъ и прямое назначеніе сего всадника *взяти миръ отъ земли и да убіютъ другъ друга*,—все это ясно указываетъ на внутреннія смятенія и кровопролитныя междоусобія, которыя по устроенію и споспѣшествованію со стороны духовныхъ силъ и дѣятелей, назначаемыхъ свыше, должны совершиться надъ наказуемыми, — каковы Іудеи. Въ этомъ и весь смыслъ видѣнія!—Такія смятенія между Іудеями были уже и при защищеніи Галилеи. Защита Галилеи ввѣрена была извѣстному историку Іосифу Флавію. Но его же подчиненные оспаривали у него власть; партіи, по причинѣ взаимныхъ распрей, наводняли кровію города и области; одинъ изъ начальниковъ военныхъ (Іоаннъ Гискаль) открыто возмутился противъ Іосифа (см. Ист. Капефига стр. 118. У самого Іосифа, О войнѣ Іуд. кн. III, 2). Когда же Веспасіанъ остановилъ военныя дѣйствія, тогда и въ самомъ

Иерусалимъ образовались междоусобныя партіи и открылись всѣ ужасы внутреннихъ раздоровъ.— „Зилоты и фанатическая толпа народа грабили публичную казну, отнимали имущества у людей, не раздѣлявшихъ съ ними мечтательныхъ надеждъ, и даже заключали въ оковы и предавали смерти благоумнѣйшихъ изъ Іудеевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они благоприятствовали водворенію римскаго владычества въ Иерусалимъ“ (Капеф. стр. 131). Самый первосвященникъ буйными зилотами былъ выгнанъ изъ храма; народъ съ остервенѣніемъ сталъ за поруганное достоинство священства. И открылось необыкновенное зрѣлище: „храмъ былъ осажденъ первосвященникомъ, священниками и левитами, выгнанными изъ него; съ одной стороны зилоты и фарисеи, съ другой священники и народъ сражались въ оградѣ храма“. (Капефигъ). Зилоты стали просить подкрѣпленія у Идумеевъ, которые въ числѣ болѣе двадцати тысячъ всадниковъ и явились подъ стѣнами Иерусалима, готовые поддерживать зилотовъ. Они дождались того, что въ одну мрачную ночь городскія ворота были имъ открыты, и тогда болѣе пятнадцати тысячъ всадниковъ вступили во храмъ. Въ ту самую ночь Идумеи перерѣзали восемь тысячъ пятьсотъ Евреевъ. На другой день они разграбили дома богатыхъ людей; первосвященникъ Ананія, которому Апостоль Павелъ предрекъ: „Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная,“—подвергся побоямъ; Захарія, сынъ Варуха, изъ древняго рода пророковъ преданъ былъ смерти въ храмѣ. На такія-то страшныя внутреннія смятенія, представленныя въ апокалипсическомъ явленіи, и около времени его откровенія уже предначавшіяся,—второе изъ животныхъ говорило Тайнозрителю: *гряди и виждь*. Во второмъ Евангеліи (отъ Марка), дѣйствительно, есть въ Христовомъ предреченіи о бѣдствіяхъ Іудеевъ указаніе на мятежи или внутреннія смятенія, — указаніе, опущенное другими Евангеліями (Мар. XIII, 8). Особенную же выразительность имѣло это слово: *гряди и виждь* въ устахъ втораго Херувимскаго животнаго подобнаго тельцу, собственно потому, что это Евангеліе изображало Христа, какъ поражающую своею простотою и кротостію жертву, какъ снисходящаго до унилительнаго простосердечія въ отношеніи къ простосердечнымъ, долготерпѣливаго, но и строгаго къ невѣрію. Внутреннія же нестроенія Римской имперіи и остановка военныхъ дѣйствій

Римлянъ противъ Иудеевъ являли во Христѣ въ отношеніи къ мятежнымъ Иудеямъ, очевидно, не гнѣвъ царственнаго Льва, а именно кротость и долготерпѣніе, но и твердость свойственныя закланному за всѣхъ Тельцу. Посему какъ бы такъ говорить второе Херувимское животное Тайнозрителю: „Поди, посмотри, какъ сами себя терзаютъ и наказываютъ эти лукавые невѣры, если бы Христось и являлся въ отношеніи къ такимъ мятежникамъ не гнѣвнымъ царственнымъ Львомъ, а кроткимъ и долготерпѣливымъ, только твердымъ жертвеннымъ Тельцомъ“.

Третіе явленіе: *и егда отверзе третію печать, слышахъ третіе животное глаголющее: гряди и виждь: и видѣхъ, и се конь ворожь, и сѣдѣй на немъ имѣяше мѣрило въ руку своей. И слышахъ, гласъ посреде животныхъ глаголющій: мѣра пшеницы за динарь и три мѣры ячменя за динарь: а еляя и вина не вреди.* Конь ворожь—мрачный цвѣтъ есть общепонятный символъ скорби, отвѣтъ-ли происходящей или отъ нравственнаго ослѣпленія и т. п. *Мѣрило* (по греч. ζυγός—иго); употребляется это слово и въ значеніи вѣсовъ или вообще того орудія, которымъ опредѣляется мѣра, вѣсъ и проч. *Мѣра* (χοίμηξ—мѣра, содержащая въ себѣ два секстарія или четыре котилы: изъ зеренъ такой мѣры можетъ выйти хлѣба не болѣе, какъ сколько нужно одному человѣку на день для едва достаточнаго поддержанія жизни (отсюда χοίμηξ означаетъ и дневной хлѣбъ. См. Odiss. 19, 27—28. Сл. Diog. Laërt. 8. 18 Athen. 3, 20 Herod. 7. 23). *Динарь*—монета содержащая цѣну дневнаго труда одного человѣка (Матѣ. XX. 2). *Еляя и вина не вреди*: недостатокъ хлѣба при довольствѣ вина и еляя, долженъ происходить, конечно, не отъ засухи или продолжительнаго ненастья и подобныхъ естественныхъ причинъ, одинаково вредныхъ какъ для пшеницы или ячменя, такъ и для винограда и оливковыхъ деревьевъ. Соображая всѣ разсмотрѣнныя особенности этого явленія съ раскрытыми уже выше, общими съ первымъ подобнымъ явленіемъ, чертами, можемъ такъ опредѣлить его смыслъ: оно означаетъ такія скорбныя обстоятельства, имѣвшія совершиться по устроенію и споспѣшествованію со стороны духовныхъ силъ и дѣятелей,—по которымъ съѣстные запасы должны быть на такомъ счету, что цѣлодневнымъ трудомъ едва можно снискать кусокъ хлѣба, нужный для поддержа-

нія жизни, хотя природа и не отказывала бы въ своихъ произведеніяхъ, даже и такихъ, каковы предметы изобилія и роскоши: елей и вино.—Въ такомъ печальномъ положеніи и оказались Іудеи, когда съ воцареніемъ Веспасіана, вновь открылись противъ нихъ военныя дѣйствія Римлянъ. Титъ съ большимъ войскомъ явился къ стѣнамъ Іерусалима. Это было предъ праздникомъ Пасхи, а извѣстно, что для празднованія Пасхи Евреи приходили въ Іерусалимъ изъ всѣхъ странъ (по вычисленію Баснажа, народонаселеніе Іерусалима могло простираться, во время отправленія Пасхи, до двухъ милліоновъ семисотъ тысячъ душъ).—„Если число защитниковъ Іерусалима, говоритъ Капефигъ (Истор. Іуд. стр. 137) и могло затруднить его завоеваніе и продлить сопротивленіе; то съ другой стороны надобно было опасаться голода... Нельзя было не видѣть, что собраннаго запаса хлѣба едва было достаточно на два мѣсяца для такого множества народа“. Итакъ хлѣбный запасъ точно былъ у Іудеевъ на счету; хотя это произошло вовсе не отъ того, чтобы земля отказала приносить обитателямъ свои плоды. Пришедшіе на праздникъ, конечно, запаслись достаточными средствами не только имѣть хлѣбъ, но и вино и елей. Что же случилось? Кто могъ, долженъ былъ непременно трудиться въ защитѣ осажденнаго города; и при всемъ томъ только на нѣкоторое время могъ имѣть пропитаніе. Правда, великодушный Титъ предлагалъ осажденнымъ, если они покорятся, прощеніе отъ императора и пощадку отъ побѣдителей; но ослѣдивъ себя мечтами о всемірномъ владычествѣ,—Іудеи и слышать не хотѣли о сдачѣ осажденнаго города... Такъ точно исполнилось это странное явленіе недостатка въ необходимомъ пропитаніи, при средствахъ даже къ изобилію!

Но такъ какъ опредѣленіе Господне объ осадѣ Іерусалима, произведшей такое явленіе, выражено только въ третьемъ Евангеліи (Луки), съ указаніемъ притомъ на слезы пролитыя Сыномъ Человѣческимъ о несчастномъ ослѣпленіи и упорствѣ Іудеевъ, то третіе Апокалипсическое животное, *имѣющее лицо яко чловѣка*, и воззвало Тайнозрителя къ видѣнію этого явленія—всадника на ворономъ конѣ и проч. Тайнознаменательное животное какъ бы такъ говорило возлюбленному Христову ученику: ты помнишь, какъ Господь

Иисусъ шествовалъ нѣкогда въ Иерусалимъ, славословимый дѣтми и всѣмъ множествомъ учениковъ (Лук. XIX, 37). Когда Онъ приблизился къ городу, то, видѣвъ его, плакалъ о немъ глаголя: „о если бы и ты хотя *въ этотъ твой день узналъ, что служить къ миру твоему: нынѣ же скрывается отъ очю твоею: яко придутъ днѣи на тя и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя, и обымутъ тя отсюду (ст. 41—43). Смотри же, какъ начнутся для Иудеевъ эти плачевныя дни: плодоносіе земли не прекратится, средства даже изобилія будутъ въ рукахъ Иудеевъ, однако имъ едва можно будетъ имѣть насущное дневное пропитаніе. Это непонятное явленіе произойдетъ, какъ покажутъ событія, именно такимъ образомъ, что они будутъ осаждены въ Иерусалимѣ и все еще будутъ упорствовать въ своемъ плачевномъ ослѣпленіи“. *И слышахъ*, говоритъ при семъ Тайнозритель, *гласъ посреде животныхъ глаголющій*: посреде же возсѣдалъ Господь Вседержитель и потомъ явился *Агнецъ яко заколенъ*. Итакъ ослѣпленіе Иудеевъ, при открывшейся осадѣ Иерусалима, было не только собственнымъ ихъ безуміемъ, но и наказаніемъ, постигшимъ ихъ по Вседержавному Божественному слову Христа, пострадавшему отъ нихъ по-человѣчеству. Они не признали и отвергли Христа; теперь имъ не дано видѣть разверстой бездны, куда они стремились.

Четвертое ужасное явленіе: *и егда отверзе четвертую печать, слышахъ гласъ четвертаго животного, глаголющій*: *гряди и виждь*. *И видѣхъ, и се конь блѣдъ, (блѣдный), и сѣдящій на немъ—имя ему смерть: и адъ идяше въ слѣдъ его: и дана бысть ему область на четвертой части земли убити оружиемъ и голодомъ, и смертію, и звѣрми земными*. Нѣтъ нужды и разъяснять это мрачное явленіе. Выразительнѣе и точнѣ этого явленія нельзя иначе и представить тѣ ужасы, какіе, истинно, по дѣйствию самой, — споспѣшествуемой блѣдными страхованіями, со стороны разрушительныхъ, конечно, духовъ, — смерти и цѣлаго ада, разразились надъ караемыми Иерусалимомъ и Иудеями съ продолженіемъ ихъ осады (она продолжалась до полугода). Довольно сказать, что во время осады Иерусалима, отъ голода, открывшагося послѣ потребленія хлѣбнаго запаса, и отъ непрерывнаго почти боя, погибло Евреевъ, по свидѣтельству Флавія, болѣе милліона ста тысячъ; самые плѣнные были предаваемы казнямъ, а

нные, въ числѣ девяноста тысячъ, назначались или на томленіе до смерти въ публичныхъ работахъ, или на зрѣлища въ жертву лютои гладиаторовъ и звѣрей (Капеф. стр. 148). Конечно, никакъ не менѣ четвертой части Іудеевъ погибло въ это страшное время безпримѣрныхъ бѣдствій. Извѣстно, что одна мать убила собственное дитя для удовлетворенія своего голода. Отчаянное положеніе Іерусалима привело въ ужасъ самого Тита: онъ клялся, что не онъ виновникъ такого всегубительства. Но что всего ужаснѣе, несчастные Іудеи гибли не только тѣлами, но и душами; ибо *умирали во грѣсахъ* (Іоан. VIII, 24) и во-первыхъ, въ вопіющихъ грѣхахъ—невѣрія Христу и пролитія Его крови и продолжающагося затѣмъ Богоборства; во-вторыхъ,—мятежа и ожесточенія противъ гражданской власти; и въ-третьихъ, всякихъ внутреннихъ нестроеній, взаимныхъ обидъ, отчаянія и т. п. И такимъ образомъ за блѣднымъ ликомъ смерти, поражавшей безопадно болѣе чѣмъ сотни тысячъ, слѣдовалъ самый адъ, пожиравшій всѣ эти жертвы ожесточенія и ослѣпленія. Флавій какъ бы видѣлъ самое преддверіе ада въ тогдашнемъ положеніи Іудеевъ: ибо описывая всѣ смятенія и беспорядки злобы, отчаянія, безумія, овладѣвшаго Іудеями, говорить, что это скопище, если бы и не было поражено Римлянами, должно бы было погибнуть отъ небснаго огня, подобно Содому и Гоморрѣ.

Но такъ какъ именно въ Евангеліи Іоанна содержится то Христово опредѣленіе, по которому Іудеи, мечтая о независимости и свободѣ, принадлежащей будто бы имъ, какъ чадамъ Авраама,—принуждены за свое невѣріе *умереть во грѣсахъ*, какъ чада собственно діавола и жертвы его челоуѣкоубійства (см. Іоан. VIII, 24. 38. 41—44): то четвертое животное,—этотъ выпренній Орелъ, слѣдящій и въ области земныхъ событій тайны духовнаго міра и Божественныхъ судовъ,—и указываетъ Тайнозрителю на это ужасное зрѣлище смерти и ада: *глядя и виждь*. Вотъ то состояніе сѣни смертной и тьмы адской,—какъ бы такъ говорило это Серафимское животное,—отъ котораго Единородный—воплощенная Божественная *любы*—предостерегаль Свой избранный народъ: *еще мало время свѣтъ въ васъ есть: ходите, дондеже свѣтъ имате, да тьма васъ не иметь, и ходяи во тьмѣ, не вѣсть, како идетъ* (Іоан. XII, 35). *Прійдетъ ноцъ, сѣда никто*

же можетъ дѣлать (IX, 4). Вы отца вашего діавола есте... онъ челоукоубійца бѣ искони и во истинѣ не стоить, яко нѣсть истины въ немъ (VIII, 44). Слѣдовательно, вы идете именно въ адскую тьму діавольской лжи и не только тѣлесной, но и душевной смерти. Вотъ въ лицахъ событіе этого приговора: се конь блѣдъ, и свѣдѣй на немъ, имя ему смерть: и адъ идяше въ слѣдъ его.

Пятое явленіе: *егда отверзе (Агнецъ) пятую печать, видѣхъ подѣ олтаремъ души избѣенныхъ за слово Божіе, и за свидѣтельство, еже имѣяху. И возопиша гласомъ великимъ, глаголюще: доколы Владыко Святый и Истинный не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли. И даны быша коемуждо ихъ ризы бѣлы, и речено бысть имъ, да почиють еще время мало, дондеже скончаются клеветы ихъ и братія ихъ, и мущины избѣены быти, якоже и ти, Явленіе, очевидно, изъ горняго или духовнаго міра! Сначала изъяснимъ, что вообще открывается здѣсь о горнемъ мірѣ по отношенію къ дольнему, или къ Церкви, странствующей въ дольномъ мірѣ, а потомъ раскроемъ значеніе этого явленія относительно въ особенности къ тогдашнему времени и суду надъ Іудеями.*

Души избѣенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, еже имѣяху, суть, во-первыхъ, души проповѣдниковъ слова Божія, которые свидѣтельство свое о спасительной истинѣ запечатлѣли страданіями и смертію; во-вторыхъ, души вообще пострадавшихъ и мученически умершихъ за истинную вѣру: а такъ какъ претерпѣть до конца и быть вѣрнымъ до смерти свойственно и всякому истинно-вѣрующему, то откровеніе въ отношеніи къ душамъ избѣенныхъ за слово Божіе должно имѣть приложеніе къ душамъ и всѣхъ подвизавшихся ради Бога такъ или иначе до самой смерти. Такія души Тайнозритель видѣлъ подѣ олтаремъ. Олтарь или жертвенникъ, какъ далѣе въ Апокалипсисѣ показано (VIII, 3), находится предѣ престоломъ и устроенъ изъ золота. По извѣстному уже значенію престола, какъ самой спасающей насъ во Христѣ любви Божіей, открытой нашей вѣрѣ и державно властвующей надъ міромъ,—олтарь предѣ престоломъ означаетъ самое святилище этой Божественной любви. Сюда должна возвышаться вѣра съ своими духовными жертвами, какъ Тайнозритель и видѣлъ возносимый на этотъ олтарь (Θυσιастήριον)

еиіамъ съ молитвами святыхъ (тамъ же) и дымъ этого еиіама *возшелъ предъ Бога* (4 ст.). Отсюда преподаются вѣрѣ дары благодати, какъ именно говорить св. Апостоль Павелъ о преподаваніи Божественной жертвенной пици съ этого олтара: *имамы же отарь, отъ негоже не имуть власти ясти служащійи стѣи* (Евр. XIII, 10). Отсюда же, по воплю вѣры, нисходятъ и на враждебный міръ громы и молніи, какъ именно созерцалъ это самое Тайнозритель: *и възять Ангель кадилницу и наполни ю отъ огня сущаго на олтари, и поверже на землю, и быша гласи и громы, и блистанія, и трусь* (VIII, 5). Находиться подъ такимъ святилищемъ спасающей во Христѣ любви Божіей, открытой вѣрѣ со всеѣми своими дарами и готовой поражать противленіе, значить быть всегда подъ осѣненіемъ и присѣщеніемъ этой любви Божіей, и не только въ безопасности отъ мірской вражды, но, напротивъ, въ грозѣ для нея самой. Въ такомъ-то таинственномъ святилищѣ любви Божіей находятся святія души вѣрныхъ до смерти, какъ уже совершившіяся жертвы вѣры: *видѣхъ подъ олтаремъ души избіенныхъ за слово Божіе*. Здѣсь онѣ имѣють и являютъ великое дерзновеніе предъ Богомъ; какъ именно такое дерзновеніе выражается въ громогласномъ и требовательномъ ихъ воплѣ: *доколь Владыко Святый и истинный не судиши?* Но въ то же время онѣ принимаютъ и живое духовное участіе въ судьбахъ міра и Церкви, открытыхъ имъ въ зеркалѣ Вседержавной любви Божіей. И именно—такъ какъ любовь Божія, осѣняющая души святыхъ, отвращается упорной и рѣшительной вражды и отвергаетъ ожесточенныхъ своихъ противниковъ: то души святыхъ, дознавъ на себѣ самихъ такую вражду упорныхъ противниковъ и во свѣтѣ Божіемъ видя рѣшительное ихъ ожесточеніе—движутся отъ обращеніемъ отъ такихъ враговъ Божіихъ, стремятся къ ихъ низложенію, необходимому для торжества Христовой истины и благодати. Само собою разумѣется, что онѣ въ этомъ своемъ движеніи и стремленіи одушевляються уже не ветхозавѣтнымъ духомъ Авелевой крови, вопіющей объ отмщеніи за себя гибелію враговъ, но новозавѣтнымъ духомъ *лучше глаголющей* крови Агнца Божія Христа, глаголющей къ Отцу о помилованіи и спасеніи, сколько возможно, и самыхъ враговъ чрезъ мщеніе и судъ надъ ихъ неправдами и ложью, усиливающимися задерживать дѣло спасенія людей. Таковъ,